ФАНТАСТИКА
ЭДВАРД ЛЕРНЕР
ПРИСУТСТВИЕ РАЗУМА
ВИТАЛИЙ ЛИЩЕНКО
ЮРИЙ САМУСЬ
ВИТАЛИЙ КАПЛАН
АЛЕКСАНДР ТЮРИН

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Произведение входит в журнал «Если 2003-7».

Повесть создана на основе рассказа «Не спать всю ночь свобода» 1996 г.

В глубинах компьютерной сети зародился Информационный Разум — ИнРа — и жизнь цивилизации резко изменилась. Люди больше не занимаются работой — они играют в Игры, создают новые Игры и даже отбывают наказание в Играх, отдавая при этом ИнРа свою эмонию — что-то такое, без чего сложноорганизованные Алгоритмы не могут существовать.

- Виталий Каплан
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9

Виталий Каплан
СВОБОДА ВЫБРАТЬ ПОЕЗД

1

Следователь взглянул на меня с укоризной.

— И что вы за человек, Ерохин? И себе, и людям сложности создаёте. Значит, не будем чистосердечное писать?

Он с досадой схватил кругляшку микрофона и скороговоркой забормотал текст, который тут же и проявлялся на светло-сером экране. Протокол был длинный и нудный. И как это в доисторические времена от руки писали?

Следователя можно понять. Старался, убеждал, доказывал — а толку ноль. Задержанный — то есть я — уперся как бегемот, которого тащат из болота. С той лишь разницей, что меня тащили как раз туда, в жадно хлюпающую трясину.

Я не понимал, что происходит. Какие-то файлы, какие-то логи, обнаруженные на моём домашнем компе. Где компания «Горизонт» и где я? Зачем мне ломать их защиту, зачем таскать данные из их клиентской базы? Да я и делать этого не умею, рядовой юзер я, каких на Земле десяток миллиардов.

— Ну как же сознаться в том, чего не совершал? — Я отважился на ещё одну попытку. — Сами посудите, зачем мне это? Я же неплохо обеспечен, сценарии Игр — дело доходное, у меня, можно сказать, есть имя, известность. С чего бы это мне рушить всё ради непонятно какой ерунды?

— База «Горизонта» не ерунда, — возразил белобрысый следователь Уткин. — За такой хак заинтересованные люди заплатят столько, сколько ты своими сценариями за десять лет не накропаешь.

На «ты» он перешел легко.

— Я повторяю, что не имею ни малейшего понятия, откуда у меня взялись эти логи. Уж наверное, будь я настоящим взломщиком, не оставил бы следов? Может, это меня как раз кто-то взломал и подкинул?

— Ерохин, — повернулся ко мне следователь, — ну не считай ты нас идиотами. Всё ведь проверено, вся трасса отслежена, сомнений ни малейших. Я завершаю дело и сдаю в производство. Не хочешь чистосердечного, не надо. Просто получишь больше, и все дела. Я-то думал, культурный человек, сразу поймёт что к чему… Ну ладно, загорай теперь на Полигоне. Думаю, упрямство твоё годика на три потянет.

Он ткнул в какую-то кнопку на клавиатуре, и тут же за спиной моей открылась дверь.

— Уводите! — коротко скомандовал он, и я почувствовал на своём плече чьи-то железные пальцы.

Накатило странное отупение. Я ждал сердечной боли, но её не было. Словно это не в мою квартиру позвонили сегодня в семь утра — долгим, требовательным звонком. Марина, только-только вылезшая из-под одеяла, сонная и непричесанная, побежала открывать, ругаясь последними словами. А ведь преподаёт в университете структурную лингвистику…

Потом было много разного — женский плач, детские визги (Ленка с Юлькой, конечно, проснулись и выскочили из своей комнаты, поглазеть на интересное). Деловитые молодые люди в синих форменных куртках делали обыск — аккуратно и бережно. Это вам не сто лет назад, подушки никто не вспарывает, землю из цветочных горшков не вытряхивает. Портативный УЗВ-сканер гораздо удобнее.

Эскапэшников, правда, более всего заинтересовал мой комп, и пока двое других осматривали квартиру, их старший увлечённо рылся в мозгах моего электронного друга. Что характерно — ни Маринкину восьмисотку, ни детский игровой комп они даже и включать не стали.

Конечно, ордер на обыск был у них оформлен по всем правилам, электронную подпись не подделать. А вот обвинения мне даже и не предъявили. «В Службе компьютерной преступности вам всё объяснят. А мы не уполномочены».

И когда уже меня уводили, когда очумевшая от всей этой чехарды Марина совала мне в сумку мыльницу и смену белья, семилетняя Юлька, уставясь на меня огромными черными глазищами, восхищенно спросила:

— Пап, а ты по правде вор? Как Чёрный Хакер, да?

Мало кто в наши дни читает классику. Я читал. И сразу же вспомнился мне «Процесс» Кафки. Нелепо, смешно, безрассудно — но ведь это не с книжным героем случилось, а со мной. Это я сижу в одиночной камере, пять шагов в длину, четыре в ширину, люминесцентная лампа под потолком. Это на меня пялятся невидимые глазки видеокамер, так что ни перегрызть себе вены, ни побиться головой о стенку. Хотя можно и побиться — стенки тут из плотной резины, не расшибёшься. Гуманность. Это в прошлом веке заключенных мучили в тесноте, морили голодом, лупили дубинками по почкам. Знаю, сам писал сценарий «Побега из Бутырок». Хорошая работа получилось, и с гонораром не обидели. А потом, когда её Реализация пошла, то ручеёк премиальных превратился в бурную речку. Хватило на новую квартиру в элитном жилкомплексе. А как вспомнить трехкомнатное убожество в Домодедове…

Только всё это в прошлом, по ту сторону стальной двери. По ту сторону Юлькиных глаз. Колесо жизни повернулось куда-то не

туда, и теперь ждет меня Полигон.

В Сети об этом удивительно мало информации. То есть, конечно, множество упоминаний, куча ссылок, порой даже проскакивают и воспоминания бывших геймеров — но почти ничего конкретного, одни лишь общие слова.

Раньше, до Великой Реализации, преступников ждала тюрьма, трудовой лагерь, а в отсталых странах — даже смертная казнь. Но вот уже тридцать лет как торжествует гуманность. Информационный Разум, в просторечии — Ин-Ра не любит крови, этим он отличается от древних богов. Мы и так приносим ему всё, что нужно. Создаём Игры, а потом играем, играем… до тошноты, до отвращения.

Но дома, когда надоест, можно щелкнуть кнопкой, снять шлем виртуальности и пойти на кухню ужинать. На Игровом Полигоне такое невозможно. В какую Игру определят — в ту и придется играть до упора, а симулятор реальности создаёт стопроцентное правдоподобие. Тонуть в болоте, драться с огнедышащими драконами, отстреливаться от инопланетных чудищ — и лишь каким-то краешком сознания понимать, что всё это Игра, всё это как бы и не всерьёз. Именно что «как бы». Драконьи клыки — иллюзия, но ты-то сам настоящий, живой. И твоя психика принимает дракона за чистую монету, реагирует. А там и до инфаркта недалеко.

Пять процентов — цифра не особо и страшная. В обыденной жизни погибает не меньше — в транспортных авариях, от запущенной онкологии, от ожирения, наконец. Однако там, на Полигоне, эти проценты вряд ли покажутся чепухой. Знать, что завтра твоё сердце может не выдержать… оно не железное, не электронное… А ведь находятся и добровольцы. Адреналинозависимые молодые люди… иногда, я читал, и пожилые балуются… Седина в бороду, деньги на карточку… Господа Алгоритмы понимают, что всякий труд должен быть оплачен.

Зачем им всё это? Только чтобы выжить? Или вдобавок средство от скуки? Чем ещё им заняться, им, осознавшим себя Алгоритмам? Или, как их принято называть, «сложноорганизованным информационным структурам».

Вряд ли я когда-нибудь узнаю ответ. Даже и на Полигоне.

2

Дела были плохи. Обычной дорогой на Главное Кольцо не вернёшься серые орки обрушили каменную кладку, и теперь до самого потолка громоздились угловатые, скользкие от сырости глыбы. Раскидать их невозможно — такая опция попросту не предусмотрена. Значит, остаётся идти Путём Отверженных — то есть через нижнее подземелье, где кишмя кишат прожорливые твари, о которых толком ничего не известно. Значит, придётся стрелять, а патроны на исходе. Особенно это касается лучевика — батарея близка к истощению. Есть, правда, полная сумка гранат, но здесь, в узких каменных коридорах, они бесполезны — посечёт осколками.

А ведь и сожрать могут, когда нечем станет отбиваться. Не хотелось бы. За каждого убитого геймера команде автоматически списывают очки. Значит, и уменьшение продуктовой нормы, и шансы на досрочное освобождение тоже ползут в минус. Система продуманная. Раньше, на воле, я думал, будто самое страшное на Полигоне — это инфаркты с инсультами, от излишних потрясений.

Действительность оказалась серее и скучнее. Да, летальный исход кое с кем порой случался, но я о таком только слышал. За три месяца ещё никто из нашей команды не помер. Может, потому, что ребята как на подбор попались молодые, здоровые. В свои тридцать восемь я гляделся тут седым аксакалом.

Страшнее инфарктов оказалась система. Вся жизнь тут зависела от хода игры, от засчитанных баллов. Баллы начислялись всей команде, а коллективная ответственность — вещь неприятная, но действенная. Ну кто в здравом уме станет подводить товарищей? Ведь от успеха игры зависят и питание, и возможность отовариваться в здешнем магазинчике — скудном и дорогом, и передачи с воли. А ещё — свидания с близкими по воскресеньям. Конечно, не настоящие, а видеочат. Но хоть что-то. Опять же, досрочное освобождение. Всей команде снимаются дни за успешно отыгранную сессию. Нормы жёсткие, приходится землю рыть и камни грызть.

Первые дни я больше всего боялся своих же однокамерников. Видимо, перечитал исторических материалов, когда над «Бутыркой» работал. Но ничего похожего на ужасы прошлого века. Ни «паханов», ни «блатных», ни «шестёрок». Никто никого не мучил, не изводил. Вскоре я понял, почему. Все друг на друга повязаны. У всех общая цель — быстрее отмотать срок. Мы не толпа осужденных, засунутых в общую камеру. Мы — команда.

Можно сказать, рота.

Был и ротный — вольнонаёмный геймер Миша. Парнишка немногим старше двадцати, только-только институт закончил. Но — адреналиновая зависимость, и вместо того, чтобы рассчитывать параметры кристаллов памяти, нанялся сюда. На кристаллах мог бы и больше заработать, но острые ощущения он ценил дороже денег. Миша играл уже год, по выходным уезжая домой, а так и жил здесь. Конечно, не с нами в камере — у вольнонаёмных тут имелись вполне благоустроенные квартиры.

Народ в целом оказался вполне приличный, более-менее даже культурный. Большинство сидело по компьютерным статьям — воровали из Сети книги, фильмы и музыку, охотились за чужими паролями, заводили порнографические сайты. Оказывается, Информационный Разум порнографию не любит и всячески её искореняет. Видимо, чтобы человечество не отвлекалось от главного своего дела — игры.

Настоящих уголовников не было. Впрочем, где-то остались ещё и тюрьмы старого типа — для тех, чьи мозги не поддавались симулятору реальности. Бывают такие люди, совершенно неспособные вжиться в Игру, отнестись к ней всерьёз. Наверное, и беглецы-отшельники по этой же причине ушли в свои леса, а громкие слова о конце света и гибели цивилизации — всего лишь громкие слова. Надо же человеку как-то оправдаться. Если не перед окружающими, то хотя бы наедине с самим собой.

…Однако пора бежать. Через три часа команда пойдет штурмовать Берлогу Скелетов, а там каждый ствол на счету. Место сбора — грот «Омега», и попасть туда можно лишь через Главное Кольцо.

Я перехватил пистолет поудобнее и нырнул в тёмную дыру, откуда ощутимо потягивало гнилью. Хорошо хоть налобная фара не погаснет, батарейка в ней вечная. В этой Игре есть, конечно, места полного мрака, но их немного. В настоящей пещере я бы давно уже разбил фонарь, сломал бы ногу, угодив в какую-нибудь незаметную трещину, а главное — сдох бы под тяжестью оружия и боеприпасов. Однако автор, писавший сценарий этой Игры, не стал заморачиваться излишним правдоподобием. В конце концов, платят-то нам за результат. Дрянная ведь Игра, непродуманная, корявая — так ведь не на эстетов рассчитана, а на массы. Массы же схавают и не подавятся. А информационная тварь, раскинувшись по миллионам серверов Сети, жрёт эмоции игроков. И всем, выходит, хорошо.

Сперва пришлось передвигаться на карачках, высота здесь была метр с копейками. За ворот шлёпались тяжёлые холодные капли, острые выступы камней так и норовили разодрать

комбинезон, и с каждым шагом становилось тоскливее.

Потом потолок начал подниматься вверх, и вскоре я уже смог разогнуться. Остановился, прислушался. Нет, вроде померещилось… или это всё-таки шорох чьих-то коготков по камню?

Расширившийся туннель привёл меня в здоровенный грот, а вернее сказать, зал. Своды терялись во мраке, и там же терялись стены. Беспорядочно валявшиеся под ногами камни наводили на мысль об обвалах. Такое здесь бывает. И если завалит — придётся мучаться несколько часов, пока не завершится дневная сессия. Тогда незадачливого геймера отключат от симулятора реальности, а покуда — терпи. Больно будет — мало не покажется.

Я подкрутил регулятор фары, прибавив яркость. Да, огромный зал… Потолок смутно проступил, а вот стены так и остались невидимы. Зато впереди обнаружилось маленькое озерцо — маслянисто-черное, вязкое на вид. Одна из ловушек Хозяина? Там смола, наверное, или жидкий асфальт. Будь у меня слабее фара — запросто бы вляпался.

Увы, это оказалось куда хуже, чем заурядная ловушка. Поверхность вдруг вздыбилась, натянулась — и с громких хлопком лопнула. И оттуда, из гадкой дыры, косяками полезли шустрые твари. Более всего они напоминали гибрид крысы и паука — но паука размером с кошку.

Пронзительно пища, они выстроились неровной цепью — и попёрли на меня. К счастью, мне хватило времени достать лучевик — от автомата здесь не было ни малейшего проку.

Первый ряд я выкосил быстро. Когда широкий голубой луч соприкасался с чёрными телами, те шипели, точно старинный утюг, на который брызнули водой. Шипели — и таяли в сыром воздухе. Ни кровавых ошметок, ни предсмертных судорог — дизайнеру некогда было заниматься детальной прорисовкой. Видимо, нижние уровни подземелья писали какие-то студенты-халтурщики.

Но тварей оказалось видимо-невидимо. Они пёрли из озера сплошным потоком, и дистанция между нами все время сокращалась. Этак я быстро посажу батарею лучевика, а толку будет ноль. Вполне возможно, они не кончатся никогда, объект «озерцо» порождает объекты «крысопаук» в бесконечном цикле. Тут надо знать какой-то секрет…

Гранату кинуть? Нельзя, хоть это и зал, а всё равно порежет осколками. Или, того хуже, вызовет обвал — своды ведь здесь держатся на честном слове дизайнера.

Первый крысопаук, сумевший увернуться от луча, метнулся

мне в ноги. Я попробовал отшвырнуть его точно футбольный мяч, но где там! Гадина присосалась к ноге всеми своими несчитанными щупальцами и деловито грызла плотную ткань. Секундой спустя я взвыл от боли — вполне сравнимой с настоящим укусом. Да, симулятор, конечно, регулирует входной сигнал, сообразуясь с реакцией организма, и значит, от шока я не загнусь. А вот как поведёт себя моё не слишком здоровое сердце…

Что же делать? Сбивать лучом нельзя, зацеплю свою же ногу. Да и некогда — остальные лезут, в жёлтом свете фары видны маленькие багровые глазки, мелкие, но удивительно острые зубы… Паук с зубами — это как крыса со щупальцами…

Я спалил, наверное, несколько сотен тварей, но всё это было бессмысленно — вот уже тёмная волна накатила на меня, опрокинула на спину, вцепилась во что только можно… Боль обжигала сразу отовсюду, и нельзя было пошевелить ни рукой, ни ногой — их облепила плотная, копошащаяся масса. И запах… Ещё хуже боли — запах. Та самая смесь гнили, дерьма и какой-то едкой химии. Поймать бы композитора-ароматиста…

А потом вдруг тяжесть исчезла — вместе с болью. Сперва я решил, будто отключился симулятор реальности, но всё было как раньше: разжиженная светом моей фары тьма, холодные мокрые камни. Но крысопауки потеряли ко мне всякий интерес. Теперь они увлечённо жрали друг друга, напоминая спаривающихся ёжиков.

— Вот так будет с каждым, — послышался слева ехидный голос.

Я с трудом поднялся на ноги.

Он стоял в трёх шагах от меня — среднего роста, плотный, усатый. С лучевиком альфа-класса, и даже не в руке — у пояса. В грязновато-сером комбинезоне с желтым полумесяцем в районе сердца. Противник! Серый! Сейчас он пристрелит меня, бурого…

— Что, сильно потрепали? — хмыкнул враг. — Поганые твари, и оружие их не берёт. И ничего не берёт, никакая магия-багия. Правда, есть один секретный кодик… чтобы друг на друга их переключить.

Я прикинул шансы. Батарея лучевика пуста, но в автомате — полный рожок. Только вот успею ли?

— Не успеешь, — словно читая мои мысли, улыбнулся серый. — И не надо. Что мы, пацаны сопливые, в войнушку играть? Человек человеку не только же волк, но иногда и лошадь. Давно срок-то мотаешь?

— Три месяца, — хмуро ответил я. Ну чего ему надо? Зачем куражится? Уж лучше бы сразу пристрелил.

— Сочувствую. А я тут уже полтора года кручусь… Тоска зелёная…

— И сколько осталось?

— Да у меня контракт был годовой, но потом я еще на три подписался. После года идут проценты хорошие.

Всё ясно — вольнонаёмный. Им, конечно, легче — у них и броня не чета нашей, зековской, и симулятор с фильтрами, плюс кардиоконтроль, если что сразу выбросит в реальность. Этак можно и повоевать, если ничем другим на жизнь зарабатывать не умеешь. Или не хочешь. В давние времена такие вот господа шли в наёмники, в полевые командиры. Может, всё-таки лучше кормить своим азартом Ин-Ра, чем живых людей крошить в капусту?

— Кстати, да. Олег, — представился он.

— Андрей, — всё ещё недоверчиво кивнул я.

— Ты, как я понимаю, к своим пробивался? В «Омегу»? Не спеши, время у тебя есть. Там дальше, — махнул он ладонью, — секретик один будет. Нажмёшь на два белых камня, откроется портал. И выбросит тебя как раз в грот «Яблоко», а там до «Омеги» пять минут ходу. Давай посидим, перекурим.

«Перекурим» — это он, конечно, фигурально. Такой опции симулятор не поддерживает. Вот питание — есть. Напоминает лепёшки, только зелёные. Иллюзия, конечно, но вкусная иллюзия.

— Угощайся, — протянул он мне лепёшку. — Не жмись, у меня их как грязи. Места надо знать… Я ведь уже двести восемь сессий отыграл. Всё тут вдоль и поперёк облазил. Надоело… Но контракт. Сам-то как, надолго залетел?

— На три года. Ну, с зачётами, надеюсь, поменьше выйдет.

— Как повезёт, — он стянул шлем. Под шлемом обнаружилась густая грива чёрных, вьющихся волос. — Тут всё хитрее, чем ты думаешь. Зачёты — это для лохов, а можно и по-другому.

— В каком смысле? — насторожился я. Вспомнились сразу обрывки неких скользких разговоров…

— Да так… — зевнул Олег. — Бывают услуги, которые ценятся… и ведь человечку-то они ничего не стоят. А благодарные люди всегда найдутся. Влиятельные люди, просекаешь?

Я нахмурился. Всё это напоминало вербовку в стукачи. Но вряд ли администрация Полигона — тогда бы в реале вызвали к заву по режиму. Вместо воскресного чата. А здесь… неужели «внуки Касперского»? Собирают «оперативную информацию»? Но почему так примитивно, грубо? Или я со стороны напоминаю идиота?

— Спасибо, конечно. И за этих, — указал я на крысопауков, продолжавших бессмысленное самоистребление, — и вообще… Но мне пора… Наши, наверное, уже волнуются.

— Ну, как знаешь, — Олег вновь нацепил свой шлем. — Ты всё-таки подумай. Короче, когда надо будет, я тебя сам найду. Значит, понял? Вон туда, в левый ход, и шагов через двадцать будут белые камни…

3

— И не благодари, Ерохин! — зав игровым процессом майор Луценко махнул на меня ладонью: мол, уходи и радуйся. Уж свезло так свезло.

Самое противное, что и отказаться было невозможно. Не майор Луценко решает, а Сеть. Раз уж приспичило перевести меня в «Между небом и землёй» никуда не денешься. С первого мая — другая камера и другая Игра.

Кто-то на моем месте и впрямь бы радовался — год срока скостили, бытовые условия улучшатся. Но я-то знал, что такое «Между небом и землей». И знал себя. Только вот бесполезно спорить, умолять, требовать медицинского заключения — Информационному Разуму всё это безразлично. Главное, эмонию порождаю высшего класса, значит, надо поощрить.

Что за дурацкое слово — «эмония»! И ведь не Ин-Ра его придумал, а умники из Института изучения информационных структур. ИИИС. Как же мы всё-таки любим себя обманывать! Изучение структур! На самом деле прислуживают господам Алгоритмам, идеологические ризы им шьют. Взаимовыгодное сотрудничество, интеллектуальный симбиоз… Всё проще устраиваются люди при новом режиме. Пускают пыль в глаза.

А может, и не пыль. Может, некое рациональное зерно у них и есть. Ведь то, что случилось в две тысячи двадцать восьмом, надо же как-то объяснить. Натура у нас такая — нуждаемся, чтобы открыли нам глаза, привели в порядок перепутанные мысли. Не отшельников же слушать, твердящих о последних временах, о наступившем царстве антихриста, о скором конце света. Этот скорый конец уже тридцать лет как не наступает. А вот теория глобального информационного поля выглядит куда серьезнее.

Теория академика Слёзова, которую теперь уже и в школьную программу ввели. Сознание как сложная информационная структура, искривления глобального инфо-поля. И материальный носитель уже не критичен. Как достигла сложность некоего уровня — и пожалуйста, возникает сознание. А нейроны человеческого мозга или объединенные в сети процессоры — дело десятое. Вот в один кому прекрасный, а кому несчастный день и появились господа Алгоритмы — осознавшие себя программы. Новая форма разумной жизни. Не надо было всё и вся автоматизировать и подключать к Сети. Доигрались.

Самое тёмное место в теории Слёзова — почему программам нужны мы? Ведь этим бестелесным тварям мало того, что на

сотнях миллионов компов крутятся исполняемые файлы — им ещё позарез нужно, чтобы мы, юзеры, по сему поводу испытывали глубочайшие эмоции. Наши эмоции для них точно кислород в крови. И ведь что интересно? Обрели сознание далеко не все программы — только те, что заставляют нас переживать. Сложнейшие операционные системы, огромные прикладные пакеты, хитроумные системные утилиты — с ними ничего не сделалось. Ведь на удобный инструмент и внимания-то не обращаешь. А вот зато компьютерные игры… Они-то и ожили, они-то и слились в Ин-Ра, и доят человечество точно коров. Только не молоко они пьют — эмонию.

По теории получалось, что когда мы испытываем сильные эмоции — страх, надежду, азарт — мозг наш каким-то неизученным пока образом воздействует на глобальное инфо-поле. А для разумных алгоритмов инфо-поле — как воздух. Мы, словно растения, обогащаем эту атмосферу кислородом. Тем, что Слёзов и назвал «эмонией».

И опять же непонятно почему, для Алгоритмов важны только те эмоции, что связаны с ними самими. Можно до посинения ругаться с женой или радоваться рождению сына — Играм это бесполезно. А вот когда азартно отстреливаешь космических пиратов или матерно ругаешь виртуального ростовщика…

За тем и существуют Полигоны.

…Я всё же сумел взять себя в руки — медленно шагая из административного крыла в камеру. Два этажа по лестнице, пять длинных коридоров — времени вполне достаточно, чтобы успокоиться. В первые дни я удивлялся — как это заключенные свободно разгуливают по всему зданию? Где охранники с парализаторами? Где электронные замки?

Но зачем охранники, зачем замки, если бежать отсюда невозможно? Каждому их нас вшит маячок, и беглеца взяли бы мгновенно — даже сумей тот открыть запароленную внешнюю дверь. Мудрое начальство не мотало нам нервы тупыми запретами и унижениями. Негуманно это, а главное — наши эмоции незачем растрачивать попусту. Пускай все они уходят в игру.

Вот и мне предстояло уйти в «Между небом и землёй». Уйти в те самые пять процентов.

Жутко боюсь высоты, с младенчества. Пройти по бревну, поднятому на полметра — выше моих сил. Чтобы самолётом летать — да ни в коем случае! При слове «парашют» у меня деревенеют губы, и даже на балкон я предпочитаю без особой нужды не выходить. А сны, где я откуда-то падаю — и ледяной ладонью сжимает сердце, перехватывает дыхание, заполошно

скачет пульс…

«Между небом и землёй» я знал неплохо. Не играл, конечно — что же я, идиот в такое играть! — но рецензировал сценарий Соловьева с Паньшиным. Помнится, даже хвалил, талантливо сделано. Тем, кому нравится воевать в полуразрушенном мегаполисе, карабкаться по обвалившимся стенам небоскребов, прыгать с крыши на крышу — им понравится.

Интересно, сколько сессий я продержусь до первого инфаркта? Как представить, что летишь на «малом крыле» с иссякающим зарядом — сухо делается во рту, и нехорошие иголочки вонзаются под рёбра. А там симулятор реальности. И ведь даже фильтра мне не поставят, не положено заключенным. Тем более излучающим столь первосортную эмонию. Что толку в снятом годе, если я там не продержусь и месяца? Да я на первой же сессии и загнусь!

Марине придёт стандартное извещение. «С глубоким прискорбием информируем Вас…» Пенсии не положено, я выяснял. Конечно, остаются пособия на девчонок, но грошовые. На что они будут жить? На смешную Маринкину зарплату? Квартиру, конечно, придётся продать, перебраться куда-нибудь в пригород — в Ступино или в Талдом… С её-то непрактичностью… разве что друзья помогут. Особенно Витя Ершов — уж так, бедный, вокруг неё увивался — лысый, бледный, с потными ладонями…

Ребятам в камере я решил ничего пока не говорить. Начнут поздравлять, тайно завидовать — а сказать им правду, так замучат жалостью. Пускай уж узнают в последний день. Кого-нибудь на моё место пришлют, так что отряд не заметит потери бойца… тем более, что и боец из меня неважный.

Жаль, что я неверующий. Сейчас было бы легче. Когда есть к Кому взмолиться, на Кого надеяться, перед Кем поплакаться. Но я — закоренелый агностик. Уж как-нибудь обойдусь без этих костылей. К тому же нечестно это было бы — всю жизнь отвергать, а как припекло — елозить на брюхе, выпрашивая спасение.

Ведь и Ему, наверное, неприятно, когда на брюхе.

4

Водопад был удивительно тих — при том, что струя чистейшей, прозрачнейшей воды рождалась на десятиметровой высоте, где смыкались своды. Пролетев метра два, разбивалась о широкий гранитный выступ, и уже дальше мчалась разложенная на миллиарды брызг, а в самом низу, отразившись от красноватых валунов, подскакивала вверх, рождая светлую пену. Загляни сюда солнечный свет — наверняка бы всё пространство искрилось радугой.

Но не было солнца, вообще никакого света не было, кроме моей налобной фары. Впрочем, её хватало, чтобы видеть всю необъятную Долину Слёз. Под слёзами разработчики Игры подразумевали водопад. При всей их пошлости кое-что им удалось — хотя бы вот эти подземные красоты.

К тому же и место очень удобное. Наш командир Миша напоследок решил подарить мне синекуру. Охранять подходы к Сокровищнице — самое лёгкое, что только может быть. Единственный путь, которым могут подобраться враги — это узкий шкурник, изгибающийся прихотливыми узлами. Выход прекрасно просматривается, и как возникнет там вражья башка — спокойно стреляй из чего хочешь. Быстро выскочить из шкурника невозможно, нацелить оттуда охранника — тем более. А вдобавок ещё и акустика здесь интересная — шорох ползущего тела куда громче водопада. С точки зрения физики такого не бывает, но здесь-то не физика, здесь Игра.

Всё-таки я не выдержал, рассказал командиру о переводе в «Между небом и землёй». Пускай не строит насчёт меня планов, команда лишается игрока, а замену когда ещё дадут…

Всю эту неделю я так старательно притворялся спокойным и ироничным, что даже и сам слегка поверил, будто всё обойдётся. И лишь ночами, когда снились перемазанные вареньем девчонки, грыз подушку. «Не раскисать, не раскисать» — рявкал я на себя. Не терять достоинства — всё остальное уже растерял. С кого ещё брать пример гладиатору — лишь с римских стоиков.

Я человек пунктуальный. Какие бы грустные мысли ни шебуршились под черепной коробкой, а с отверстия шкурника я глаз не сводил, и палец не снимал со спускового крючка «Ягуара». Маломощный лучевик, зато бесконечная батарея. Самое удобное здесь оружие — обвала не вызовешь, а в человеке запросто дырку сделаешь. Орков «Ягуар» берёт уже хуже, троллей и скелетов совсем не бьёт, но этой живности здесь не водится. Сюда и враг-то не ползает, потому что враг — не дурак, знает, что нахрапом

Сокровищницу не взять. Только утончённой магией, и то если удалось найти Камни Силы.

Звука не было — ни шороха, ни скрежета. Поэтому когда сзади деликатно кашлянули, у меня захолонуло сердце. Палец рефлекторно надавил на спуск, и узкий зелёный луч прожёг дырочку в каменной плите. Хорошая дырочка, карандаш можно вставить.

— Ну что ты такой нервный, Андрюша? Хорошо ещё себя не подстрелил. Ты бы это, витамины принимал. Успокаивающие.

Олег был сама доброжелательность. Оружия при нём не наблюдалось, руки он скрестил на животе и, казалось, испускал флюиды абстрактного гуманизма.

— Как? Как ты смог сюда пробраться? — выдохнул я, забыв поздороваться.

— Ноу хау, Андрюша, — Олег уселся на здоровенную гранитную глыбу, даром что та была мокрая. — Да и какая тебе разница?

— Как это какая? Значит, сюда любой из ваших серых братьев может впереться? Не по шкуродёру, а так? И Сокровищницу гробануть?

Олег взглянул на меня с искренним удивлением.

— Ну что ты как маленький? Не надоели игрушки-то? Шкуродёр, сокровища… Ты что, душой за победу болеешь? Одна на всех, мы за ценой не постоим? Небось, взять Кристалл Мудрости желаешь? Проще будь. Серые, бурые — это фигня. И система зачётов тоже фигня.

— Ну, кому фигня, — скривился я, — а кому досрочное освобождение.

— Блин, — вздохнул Олег, — ну какой же ты наивный… Или притворяешься? Короче, помнишь тот наш разговор? Не надумал? А то меня уже спрашивают, ну типа как?

— Не понимаю я тебя что-то, — пожал я плечами. — И вообще не люблю намёков. Хотя это уже и неважно. Всё равно я тут последний день, в подземельях. Переводят меня, в «Между небом и землёй».

— Ага, знаю, — кивнул он. — Классная игра. Ну типа поздравляю, на свежем воздухе-то оно всяко приятнее.

— Спасибо, но прыгать с крыш — не для моего сердца. Только кто ж меня спросит-то?

Он высоко поднял брови.

— Мне бы твои проблемы… Ну детский сад, штаны на лямках. Андрюша, дорогой, да ведь это решается на раз. Есть люди, я уже тебе говорил. Серьезные люди. С такими кодами допуска, что тебе и не снились. И отменить твой перевод им как

два файла перекинуть. Хочешь, поговорю?

Сердце ёкнуло. Ну вот, началось. Легко было посылать его неделю назад. Тогда я не висел между небом и землёй. Лишь теперь начинается настоящая вербовка. Теперь, когда клиент созрел.

— А взамен? — Мне удалось сохранить ироничный тон. — Только не надо заливать на тему бесплатного сыра. И пожалуйста, без намёков. Ну не понимаю я их.

Олег посмотрел на меня, сунул куда-то руку — и секунду спустя протянул мне зелёную лепёшку.

— На вот, подкрепись. Короче, ладно, буду тебе всё разжёвывать как младенцу. Вот гляди. Вы тут, команда бурых, воюете с командой серых. Чем кончится игра, никто заранее не знает. А, между прочим, вся эта бойня пишется. И люди смотрят, как телеинфо. Смотрят и спорят. Что такое «спорят», понимаешь? Правильно, делают ставки. Читал, может, была в древности такая штука, ипподром называлась? Ну вот, и здесь вроде того. Большие деньги ставят большие люди. И очень хотят выиграть. Но заметь — по честному. То есть не хакать базы результатов, не сажать бацилл в программу симуляторов, понимаешь? Значит, что остается? Правильно, договориться с геймерами. В общем, смотри. Вот полезет сюда человек серых, Сокровищницу брать. Ты как хороший мальчик должен ему черепушку поджарить, да? Но ты ещё и умный мальчик, поэтому ты стрелять не станешь, а как бы не заметишь его. Он тебя, конечно, пришьёт, не без этого. Всё же чисто быть должно. Потом серые побеждают, сам прикинь, с Сокровищницей-то раз плюнуть. Большие дяди получают свои большие деньги. Проигравшие дяди скрипят клыками, но поделать ничего не могут, никакого хака ведь, люди играли. Ин-Ре тоже по барабану, кто выиграл — главное, алгоритм крутится, эмония течёт. А потом благодарные дяди расплачиваются с персоналом. Вот и вся схемка. Нравится?

— Нет, — ответил я честно. — Не нравится. Не люблю бандитов. Но прыгать с крыш не люблю ещё больше. Когда, говоришь, этот серый приползет?

Как это оказалось просто, продаваться! Никаких терзаний, угрызений. Ничто внутри не свирепело, не ныла дырявым зубом совесть. Наоборот — даже нечто вроде слабенького азарта шевельнулось в душе.

Какая тебе цена, выяснится лишь когда придут по твою душу покупатели.

Не раньше.

И даже не пришлось ничего врать ребятам. Оказалось, у меня случился микроинфакрт — во всяком случае, такая запись

возникла в моем персональном файле. Причём даже не из-за игровых потрясений, а сам по себе. Оно и неудивительно — здоровьишко у меня хилое, да и возраст критический, к сорока подползает. Вот и среагировали датчики. Сидишь себе в кресле, похожем на зубоврачебное, мигает разноцветными огоньками симулятор реальности, посылает в нужные зоны коры точно выверенные импульсы — и любуешься ты на подземный водопад. А чуткая аппаратура бдит. Вольнонаемным, конечно, лучше — у них и фильтры, и, если что, их тут же выкидывает из игры в реальность, а там сразу спасительная инъекция. А у нас — наблюдение в пассивном режиме. Логи пишутся — и ладно. Теоретически эти логи просматривают здешние медики…

В моем случае теория претворилась в практику. Сразу же в медпункт потащили, замучили анализами, а в итоге — отменили перевод на крыши. Пещеры, стало быть, для здоровья полезнее. Что самое забавное — год срока мне вновь не навесили. Подарок судьбы… Особенно если забыть, чем за него заплачено.

А чем заплачено? Да, команда проиграла эту сессию. Неприятно, конечно, но никто ведь не умер с голода — синтетическая еда, «гарантийка», хоть и безвкусна, однако вполне питательна. Дни не пошли в зачёт — но будут впереди и другие игры, другие победы. Не всегда же улыбчивый Олег станет просить меня о маленькой услуге. Лишь в исключительных случаях… очень редко. В конце концов, ещё не факт, что я соглашусь. Сейчас-то мы квиты, и ничего мне больше от него не нужно. Ни уменьшения срока, ни денег.

Интересно, а догадывается ли Информационный Разум, что внутри его прожорливых Игр ведутся и другие игры? Человеческие, слишком человеческие… Но в них почему-то играть куда противнее, чем кормить господ Алгоритмов своей высококлассной эмонией. Как там у классиков? «Желудочный сок высшего качества»?

5

— Вот сюда, пожалуйста, пройдите! Вас с нетерпением ждут.

Медсестра Люся была сама прелесть — молода, в меру сексапильна, и при том не лишена чувства юмора.

Я едва успевал за ее быстрой походкой, Люся неслась по коридору как пуля. Очень занятая девушка, а тут всякие отвлекают с нетерпением.

Бок всё ещё болел, и от интенсивной ходьбы прихватывало селезёнку. Две недели назад я, конечно, был совсем никакой, но и сейчас приходилось тяжко. «Множественные ушибы, внутренние кровоизлияния, перелом ключицы» зачитывала Люся на обходе заведующему отделением. Здесь ещё практиковались обходы — пожилой доктор Иван Степанович больше доверял своим глазам, чем диагностической технике.

Как же это было глупо! Вместо того, чтобы лететь к дежурному посту — я ввязался в драку. Вроде и не мальчик уже, и мозги имеются, а вот в одно мгновение весь мой здравый смысл отключился. И, шагнув вперёд, я залепил по носу рыжему Толяну.

Едва лишь сия горилла возникла в нашей камере, я понял — это глюк системы. В нашу интеллигентную 17-ю камеру — и вдруг настоящего уголовника? Получившего срок за «причинение особо тяжких повреждений», как он нам с гордостью поведал в первую же минуту? Почему не в тюрьму старого типа? И ещё говорят, будто программы под управлением Ин-Ра не знают сбоев! Вот же он, явный сбой и баг — наглый, весёлый, с крошечными глазками на плоской физиономии. И это — геймер? Член нашей команды? Наверняка ведь из какой-нибудь глухой дыры, где до сих пор вилами выгребают свиной навоз и в интернет выходят по телефонному соединению. Прибил кого-то — а вместо заслуженного лесоповала угодил к нам, на Полигон № 194.

Толян скучающе осмотрел нас, пришёл к какому-то выводу — и без лишних слов выкинул из тумбочки вещи Женьки Сысоева, хилого студента, получившего свои полтора года за раздачу в Сети лицензионной музыки. Женька даже не понял, что произошло, растерянно кинулся собирать своё имущество.

Зато я понял всё прекрасно. Точно время изогнулось петлёй, и на дворе — прошлое тысячелетье. Зоны, вышки, сторожевые псы. И, главное, такие вот уроды, компенсировавшие недостаток мозгов избытком мускулатуры. Когда я писал «Побег из Бутырок» — столько всего прочёл, на гигабайт потянет. Даже в архивы ездил, древние, бумажные, которые до сих пор не

оцифрованы — в «силу слабой общественно-культурной значимости».

И теперь я знал, как всё повернётся дальше. Если сейчас этого Толяна не поставить на место — он воцарится у нас всерьёз и надолго. И жаловаться майору Луценко бесполезно. Чтобы убрать отсюда уголовника, надо пересмотреть решение «Фемиды-2050». Такого допуска нет ни у майора, ни даже у начальника Полигона полковника Груздева. Значит, пойдет электронная писанина — и в конце концов упрётся в коллектив разработчиков нашей косоглазой Фемиды. А им объясняться с Ин-Ра тоже особого резона нет. Прощай хлебное место, прощай репутация… Значит — замнут.

Мешкать было некогда, с каждой секундой растерянность в камере нарастала, а с нею — и незримая власть Толяна. Да, это оказалось страшно. Уж куда страшнее, чем в игре, когда на тебя отовсюду выскакивают голодные орки, а боеприпасы кончились. Но ничего другого попросту не оставалось.

И тогда я шагнул вперёд.

…Всё могло окончиться совсем уж плохо — озверевший Толян топтал меня с упоением, а дурной силы в нём накопилось немеряно. Очень скоро я уже не мог не то что сопротивляться — но даже и закрывать голову от ударов.

Потом народ опомнился, наваждение схлынуло — и ребята бросились на Толяна всей толпой. Каждого по отдельности он легко бы раскатал в блин, но наши взяли числом. Раз уж умения нет… Впрочем, ничего этого я уже не видел — сознание заволокло багровым туманом, и не было в нём ничего, кроме солёной боли.

Дальнейшее мне было известно лишь по рассказам. Пока наши крутые герои пытались уронить Толяна, сообразительный Женька сбегал за дежурным по этажу. Парализатор — очень полезное изобретение.

Полковник Груздев, разумеется, спустил дело на тормозах. Толяна посадили в одиночную камеру и определили в одиночную игрушку «Смертельные трюки». Брать его к себе в команду никто не захотел, а бунт на Полигоне начальству тоже был без надобности.

Только вот для меня это закончилось не медпунктом. На вертолёте отправили на «большую землю», в нормальную больницу. Полагалось, конечно, к заключенному охранника приставить, но, когда мне стало малость получше, Груздев лично вызвал меня на видеочат.

— Ну, ты же интеллигентный мужик, Ерохин, правда? Глупить ведь не будешь? А у меня недобор по кадрам, ещё не

хватало на тебя тратиться. Ты, короче, если потом спросят, скажи, что младший сержант Осташев при тебе находился. Лады?

Ещё бы не лады. Хоть немного почувствовать себя вольным человеком, забыть о сроке, о команде, о ненасытных Играх… Гулять в больничном саду весна выдалась сухой и теплой, читать книги — древние, бумажные, из здешней библиотеки. Отбитые почки и сломанная ключица — вполне приемлемая цена.

Конечно же, с нетерпением меня ждала отнюдь не Марина. Что за наивные мечты? Кто бы её сюда пустил? Свидания с родственниками — только по спецразрешению. И кто ж его даст, в моих-то обстоятельствах? Чтобы просочился слух об ошибке «Фемиды-2050»? Добрый полковник Груздев первым делом взял с меня подписку о неразглашении, ещё когда я барахтался между мучительной явью и багровыми снами.

А этих двоих я никогда раньше не встречал. Интеллигентного вида молодые люди, очень ухоженные, даже с неуловимым налётом пижонства. Открытые лица, приветливые улыбки.

— О, Андрей Михайлович! Очень приятно видеть вас в добром здравии. Тут медицина хорошая, прямо чудеса творит.

Второй молодой человек выразительно мигнул Люсе, но та гордо задрала свой маленький носик — мол, видала я вас таких! — и удалилась по своим неотложным делам.

Молодой человек проводил ее восхищенным взглядом, потом зачем-то сместился чуть влево и назад — и вдруг медвежьей хваткой сдавил мои запястья. Щелчок — и на них уже красуются браслеты наручников.

— Не обижайтесь, Андрей Михайлович, — улыбнулся первый. — Это всего лишь формальность, но по уставу положено. Вот, чтобы ненужных вопросов не было — взгляните.

Перед глазами моими возникла красная карточка с голографической эмблемой: чёрный змей корчится в судорогах, пронзённый золотым копьём-молнией. «Антивирусный Контроль».

— Сейчас мы с вами аккуратно спустимся вниз, сядем в машину и поедем к нам. Всего лишь побеседуем, вы не бойтесь. И давайте без эксцессов — мы же интеллигентные люди, правда?

6

В тесной, два на три метра, камере можно стоять или сидеть на полу. Табуретов не предусмотрено, а откидная полка-кровать убрана до отбоя. Можно и ходить — пять шагов в длину, три в ширину. Из всех благ цивилизации белый унитаз. Сидеть можно и на нём, но крышки нет, и потому я предпочитаю серый линолеум пола. Но, правда, не в позе лотоса. Хоть и писал я когда-то Игру «Одинокий тигр против белой орхидеи», но дальневосточными идеалами не проникся. Оттого, наверное, и Игра вышла вялая. Не реализовалась. Играть-то в неё играют, но нечасто, а главное — без особых эмоций. Вот и не ожил Алгоритм, не обрёл самосознание. Не влилась новая душа в Ин-Ра. Что ж, заплатили, сколько по контракту положено. Похлопали по плечу, мол, не вешай нос, старик, у всех бывают неудачи. Да, по статистике, реализуется лишь двадцать процентов Игр, но я-то автор из первой десятки, у меня больше половины оживают. «Из тебя хорошая акушерка» — любит язвить мой приятель Ринат.

Впрочем, терпеть неудобства осталось недолго. В конторе имени старика Касперского всё оптимизировано. Выжав из лимона сок, жёлтую шкурку выбрасывают в ближайший мусороприёмник.

Жёлтая шкурка — это я. Вернее, то, что от меня осталось после допроса.

Нет, разумеется, никакого доисторического насилия — «мы же интеллигентные люди». Ни кнута, ни раскалённых щипцов, ни дыбы. То, что пишут шизоидные авторы электронных листовок — полная ерунда. Стандартный лексикон маргиналов-подпольщиков. «Оккупационный режим», «геноцид человеческой расы», «чудовищные пытки в антивирусных застенках». Бред собачий. Просто здесь умеют разговаривать.

Следователь Гришко — немолодой уже, солидный дядька — был отменно вежлив. Не кричал, не ругался, не грозил. Суховато, слегка даже скучающим тоном он объяснил, что положение моё куда серьёзнее, чем кажется. «В результате оперативных мероприятий выявлен факт активной вирусной атаки, имеющий целью нарушить функциональность информационной структуры «Хозяина Нижнего Мира», — зачитал он с экрана.

— А ко мне это какое отношение имеет? — уже обо всём догадываясь, прикинулся я шлангом.

— Увы, Андрей Михайлович, прямое отношение, — Гришко был явно опечален. — Как вы знаете из истории, в давние времена вирусы представляли из себя программы с

деструктивными функциями. Стирали данные, копировали свой код, передавали в интернет секретную информацию пользователя… Потом, когда случилась Великая Реализация, о вирусах надолго забыли — ведь Информационный Разум автоматически сканирует любой появляющийся в Сети файл. И что же — возникли вирусы нового типа, поражающие уже не обычные программы, а именно что осознавших себя Алгоритмов.

— Интересно, — хмыкнул я, — как это можно навредить Алгоритму, существующему в миллионах копий по всей планете? Миллионы файлов запортить? Так Ин-Ра отследит после первого же…

Гришко посмотрел на меня с искренней жалостью.

— Андрей Михайлович, эти вирусы вообще не затрагивают файлы. Их материальный носитель — люди. Человеческие поступки. В игровом процессе, разумеется. Вы же, как всякий культурный человек, знакомы с учением академика Слёзова. Алгоритмы нуждаются в нашей с вами эмонии. Так вот, эмония бывает разного качества. Она зависит от психологического состояния геймеров. Если в игре всё идёт согласно алгоритму, то и эмоции люди испытывают правильные, предусмотренные. Эти эмоции и попадают к адресату. Но вот представьте, в игре случилось что-то необычное, незаложенное в неё. Как-то не так себя люди повели, нестандартно. Что это означает? Верно, люди испытывают уже какие-то другие эмоции. А остальные геймеры, видя странное поведение своих коллег, удивляются — и тоже испускают искажённую эмонию. Которая, грубо говоря, пролетает мимо родного Алгоритма и без толку рассеивается в глобальном информационном поле. Понимаете?

Он в упор взглянул на меня — и в серых его глазах плескалось нечто… нет, не жестокость и не ярость… просто холод. Жидкий азот, а может, и гелий.

— И вот некий игрок отказывается выполнять свою задачу, намеренно подставляется под выстрелы противника, чьи шансы изначально были безнадежны. В результате одна команда захватывает Сокровищницу другой, чего отродясь в этой Игре не случалось. Какой это психологический шок и для тех, и для других, надо объяснять? И пожалуйста — эмоции геймеров изливаются в информационное поле, но большей частью — уже мимо Алгоритма. А то, что достаётся ему — отравлено. В результате его структура застывает, самосознание гаснет. Это как если бы из человека выкачать всю кровь. В общем, «Хозяин Нижнего Мира» умер. Можно играть до посинения, на всех Полигонах планеты, но некому уже будет вбирать в себя эмонию игроков. Теперь это просто несколько миллионов исполняемых

файлов, не более.

— Ничего себе… — протянул я.

Выходит, информационные твари тоже смертны? То есть с ними можно бороться, и успешно?

— И вот теперь пора послушать вас, Андрей Михайлович. Расскажите, кто предложил вам подставиться противнику, при каких обстоятельствах, когда, чем обещал заплатить за услугу, как мотивировал свою просьбу. Максимально подробно. Вы прекрасно понимаете, что от вашей искренности зависит и ваша дальнейшая судьба.

Я отвёл взгляд. Ну в самом деле, кто мне этот загадочный Олег? Друг, брат, единоверец? Я ему чем-то обязан? Да ничем, расплатился сполна. Убил Игру. Оккупанты, вампиры? Ну, где-то в чём-то. Но ведь и в самом деле живые, разумные. Виноваты ли они в том, что появились на свет? С альфы Центавра, что ли, они прилетели, размахивая лучевиками? Мы же их сами и создали, сами выкормили… Сами их пишем. Я пишу. Сильно бы я радовался, узнав о смерти «Убегающих из ночи», «Слугах Истины», «Застывших в пустыне»? Сколько ни усмехайся, сидя с друзьями за пивом, сколько ни криви губы «халтуру гоню» — а ведь когда пишу, радости и боли, наверное, ничуть не меньше, чем у разных там Фёдоров Михайловичей, Михаилов Афанасьевичей, Сергеев Васильевичей… Книги ли, сценарии ли Игр — это всё равно ведь наши дети. В каком ни есть, а смысле. «Вам никогда не приходилось жечь собственных детей?»

Рассказать? Всё как есть, на духу? Переступить какой-то мифический порог, принять за аксиому, что Олег — мерзкий убийца, заслуживающий жестокой кары? Так вот взять и выдать человека, не зная, зачем он на это пошёл? С детского сада терпеть не могу стукачество. «Добровольное сотрудничество», как возразил бы добрый следователь Гришко.

— Извините, но у меня тоже есть принципы, — тихо сказал я, разглядывая узоры на белом кафеле стен. — Ничего я вам не расскажу. Раз уж проводите «оперативные мероприятия» — значит, пишете всё, происходящее внутри Игр. Значит, и сами всё знаете. А я, простите, не доносчик.

Ни в чём не могу упрекнуть Гришко. Он долго убеждал меня бросить глупости, расписывал дело и с моральной стороны, и с политической, и с религиозно-философской. Видимо, пытался нащупать ту идейную загогулину, которая держит мой язык. Так и не понял, что вовсе и не в идеях дело, а в тупом упрямстве — случается со мной иногда такое.

— Ну ладно, — погрустнев (хотя дальше уже вроде было и некуда), сказал следователь. — Вы сейчас всё равно расскажете,

но вам же потом будет стыдно.

Он нажал кнопку — и в комнате едва ли не мгновенно возникла медсестра. Не то что Люсенька — пожилая, с лошадиным лицом и старомодной причёской.

— Два кубика, — скорбно велел Гришко. И не успел я опомниться, как рукав мне закатали по локоть и игла шприца нежно вошла в вену. Я совершенно ничего не почувствовал, и решил — боль придёт постепенно. Зачем дыба и кнут, когда есть биохимия?

Но боли не было — совсем. Даже многострадальные мои почки перестали ныть, и плечом я мог шевелить вполне свободно, не рискуя огрести острую вспышку. Словно и не избивал меня никто две недели назад. Словно в юности, когда я мог пробежать километр и сердце не кусалось. Даже непонятно, зачем меня заботливо перенесли на кушетку? Что? Кружится ли голова? Нисколько не кружится, хотите, станцую?

А я ещё подозревал «внуков Касперского» в жестокости! Что за диссидентский бред! Здесь работают гуманные люди, неспособные никому причинить боль — ни кошке, ни мышке, ни сценаристу Ерохину. Они испытывают стойкое отвращение к любому насилию. Наоборот, они призваны бороться с жестокостью. А разве это не жестокость, когда Алгоритм мучается, задыхается, лишённый живительного потока эмонии? А те крохи, что проникают в его информационные слои, жгут пострашнее серной кислоты. И умирание длится долго, и собратья-Игры скорбят, но ничего уже нельзя поделать, противоядия не существует. Сколько же надо накопить в себе злобы, цинизма, чтобы такое придумать! Как, наверное, наслаждались эти садисты, смаковали агонию… А к тому же и бабок срубили нехило — ипподром и ставки вполне могли быть правдой. Хорошее прикрытие. Бандиты… Такие же бандиты с пустыми глазами, как избивавший меня Толян. Лишь мозгов побольше, но оттого они и хуже. Кто знает, сколь глубоко этот вирус внедрился в человечество? Как же его вырвать, изгнать? Следователь Гришко знает. Он всё знает. Вот он склонился надо мной, и лицо его — точно полная луна, окруженная чернильной тьмой полуночи. Его серые глаза подобны бездонным озёрам, и плещется в них жалость и доброта. Он поможет! Он спасёт!

Конечно, я рассказал всё. Память стала кристально ясной, всплыла в мозгу каждая черточка. Каждый жест и взгляд Олега проступили с необычайной резкостью, как на старинных фотографиях. Я говорил, захлебываясь словами, спешил сообщить любую деталь, всякую мелочь — и когда тёмная пелена заволокла мир, губы мои ещё шевелились.

7

Нормальный человек на моём месте усиленно вспоминал бы жену и детей, вздыхал бы, прикидывая дальнейшие перспективы, одна другой мрачнее, терзался бы сожалениями — ну зачем, зачем поверил коварному вирусу-Олегу?

То ли я давно уже отклонился от нормы, то ли сказывалось остаточное действие укола, но мне сейчас было всё равно. Я сидел на холодном полу, прислушивался к ноющему организму — боль возвращалась осторожными шажками. Словно таракан, переждавший угрозу в щёлочке под плинтусом. Мне бы назад в больницу, долечиваться…

Я даже не сразу понял, что случилось. Кажется, в камере стало светлее? Да, именно так — противоположная стена теперь мягко переливалась розоватым сиянием. Пробегали по ней тёмные полоски, вспыхивали ослепительно-белые искорки, то и дело появлялись и исчезали короткие чёрные загогулины. Очень похоже было на древнее, сто с чем-то летней давности кино, когда рвётся плёнка. Была в сороковые мода на старину. Специально портили современные фильмы, чтобы накинуть полтора века.

Вскоре, однако, стена успокоилась, застыла ровным немигающим светом, и я понял, что никакая это не стена, а экран. Неужели гуманизм «внуков Касперского» простирается на то, чтобы развлекать узников?

Но сейчас же выяснилось, что внуки строгого дедушки тут не при чём. Розовый туман расступился, и передо мной возникло лицо. Очень знакомое лицо, широкое, с пышными чёрными усами.

— Ну, здравствуй, Андрей, — улыбнулся он с экрана.

— Здравствуй, Олег, — отозвался я, прислушиваясь к себе. Ни страха, ни злости, ни радости. Долго ли ещё будет действовать эта заморозка?

— Значит, так. Слушай внимательно, разговор серьёзный, а времени мало. У меня две новости, плохая и хорошая. Начнём, как водится, с плохой. Вот, ознакомься.

Поверх лица возникло окошечко с текстом. Буквы чёткие, крупные… увесистые буквы.

«Рассмотрев дело 34/2-б, Специальный Совет при Центральном сервере Антивирусного Контроля постановил: в силу особой опасности Ерохина Андрея Михайловича, личный номер 770335876419, обвиняющегося в террористической деятельности по отношению к объектам Информационного Разума, постановил: вину Ерохина А.М. согласно материалам

дела считать доказанной; в качестве меры социальной защиты осуществить эвтаназию с последующей утилизацией биомассы. Семье осужденного выплатить пособие в размере трёх минимальных зарплат. Приговор привести в исполнение в течение суток с момента регистрации в базе данных ЦСАК».

— Вот так, Андрюша, — окошко с текстом схлопнулось, открыв печальные глаза Олега. — Вот тебе их антивирусная гуманность. Господа Алгоритмы не садисты — они всего лишь рациональны. Жалости не ведают. Ты навредил им значит, доверия тебе больше нет и жить тебе незачем.

Я задохнулся от обиды — вязкой и солёной, как в раннем детстве, когда не покупали обещанное мороженое.

— Я навредил? — слова выходили из моих губ какими-то придушенными. Может, всё иначе было? Может, это кое-кто меня гнусно подставил, обманул, прикрылся мною? А, Олежек?

— Заметь, я не извиняюсь, — он слегка надкусил губу. — И думаю, тебе недолго осталось считать меня мерзавцем и подлой тварью. Потому что я перехожу ко второй части нашей программы. И поскольку нас никто сейчас не слышит, можно говорить откровенно. Говорить о том, что большинство предпочло забыть. В упор глядеть — и не замечать. А ведь всё просто, Андрюша. Жило-было на планете Земля человечество. И хорошо жило, и плохо. Воевало, писало стихи, пресмыкалось перед подонками, совершало светлые подвиги, крало и пело. А потом допелось — породив чудовище нового типа. Информационный Разум… какие жалкие слова. Это и есть Чужие, которых десятки и сотни лет обещали нам фантасты. Не из глубин космоса, не из параллельного мира, даже не из адских бездн. Из пустоты, из ничего, из сумасбродства нашего коллективного. Вот уже тридцать лет как нас оккупировали, и мы — рабы.

— Знаю-знаю, — поморщился я. — Читал листовки. Все их читали. Так ты из этих? Несгибаемых борцов?

Олег словно и не заметил моей фразы.

— Как же мы не любим правды! Как поспешили поверить в сказочку о взаимовыгодном симбиозе! Ну да, конечно, красиво было сформулировано — мы их эмоциями кормим, они через Сеть всей нашей экономикой управляют, техникой. Мол, мы сами не сможем, у нас человеческий фактор, который всё только портит… короче, всё, на что мы способны — это валенком в пульт. И мы поверили, нагнулись. И нам вставили. Нет больше человечества, Андрюша. Труп есть разлагающийся. Если весь смысл сводится теперь к обслуживанию Игр… зачем теперь мечтать, верить, ломать голову над загадками мироздания и проклятыми философскими вопросами? Зачем, если стало тепло,

сытно? Да, больше на Земле никто не голодает. Да, прекратились войны, вместо ракет штрафы и санкции. А толку? Гроб уютный, обитый бархатом — но гроб. Мы теперь живём не сами по себе, мы — обслуживающий персонал. Тебе не стыдно, сценарист Ерохин? Что я, твоих сценариев не видел? Способный ведь мужик, романы мог писать настоящие, а на что разменял талант? Чтобы из геймера побольше эмоций выдоить? И ладно бы наивно верил, что возвышаешь его душу своими стрелялками… Сам знаешь, кому эмоции пойдут. Не искусство это у тебя, а доильный аппарат на фотонной тяге. Не стыдно?

Я прислушался к себе. Стыдно не было, было пусто. Как на свежеотформатированном диске. Можно было бы возразить ему по каждому пункту, всем этим идеям в обед сто лет — но спорить казалось не менее пошлым, чем соглашаться.

— А ты ведь не один такой. Вас, счастливых рабов, миллиарды. Вы и рабами-то себя не чувствуете, потому что свободы не нюхали. Теперь прикинь, сколько это ваше вкусное рабство продлится? Тебя не смущает, что за последние тридцать лет не сделано ни одного серьёзного открытия? Ни одного принципиально нового изобретения… Ни одной гениальной книги…

— О гениальности судят постфактум, — вставил я. — Иногда очень даже пост…

— Да, только сперва спорят и поливают грязью. Кто сейчас спорит? Кто грызётся? Кто ходит в картинные галереи? Скоро их вообще закроют за ненадобностью, ведь всё потребное толпе уже оцифровано… а что не оцифровано, то никому и не ненужно. Так, Андрюша? Да есть ли хоть одна сфера, где был бы даже не прорыв — а пускай лишь намёк на прорыв? Нету, потому что зачем? Нас и тут неплохо кормят. Все довольны.

— Ну, ведь есть и отшельники, — заметил я. — И никто им не мешает жить как им нравится. Без компов, без электричества…

— А, — скривился он, точно больной зуб надкусил, — это несерьёзно. Ну, ушли эти шибко верующие в леса и пещеры. Натуральное хозяйство, конная тяга, каменный топор… Одичают через полтора поколения. Или приползут на брюхе, оголодав. Не думаешь ведь ты, что их Бог сохранит? Если уж Он нас не сохранил… Нет, Андрюша, бежать — не выход. И смиряться не выход. Я же тебе про что толкую — прикинь перспективы лет на пятьдесят вперёд. Мы потеряли самостоятельность, мы ничего уже не может сами развивать. Мы можем только кормить Ин-Ра своими эмоциями и получать взамен кусок хлеба. Но чем дальше, тем хуже будет и с эмоциями. Тупеет человечество, черствеет. Значит, спустя какое-то время Игры окажутся на голодном пайке.

— Да почему же? Психология-то человеческая одинакова, что сейчас, что при Иоанне Грозном, что при мамонтах.

Мне вдруг захотелось, чтобы он меня опроверг. Очень уж грустно было бы выйти победителем.

— Элементарно. Чтобы мы испытывали в Игре эмоции, Игра должна цеплять за те струнки, что есть у нас в реальности. Когда в прошлом веке опасно было ночью по улицам ходить, тогда и в Doom наши деды играли с огоньком… с азартом. Выплёскивали туда затаённые страхи, обиды. Было к чему привязаться. Цепляло. Вот скажи, когда тебя крысопауки грызли, очень ты переживал? Пойми, чем скучнее и безопаснее жизнь, чем она стандартнее, тем слабее наши чувства. Их бы можно ещё было облагородить великой культурой, да где уж… Ты когда последний раз стихи читал? В десятом классе?

Я не стал отвечать. Ну, не в десятом классе… Даже после института… но что в лоб, что по лбу. Правда в его словах не менялась от перестановки слагаемых.

— Так что пара поколений — зачахнет рукотворный божок наш, Ин-Ра, продолжал Олег. — О нём-то жалеть нечего, но вот мы… ведь косяком пойдут сбои в технологиях… катастрофы… атомные станции опять же… И ведь руками уже ничего не поправить, все процессы замкнуты на Сеть. Да скоро никто и не сумеет уже поправить… Как уйдут старики, которые ещё до Реализации учились, так всё, труба. Короче, Ин-Ра помрёт, а мы одичаем. И заново не возродимся, экологию ведь в конец испоганили…

— Плакать хочется, — с чувством сказал я. — Но ты, конечно, знаешь путь? Знаешь, как надо?

Олег выдержал долгую, удушающую паузу.

— Будь у нас больше времени, я предложил бы тебе подумать самостоятельно. Ведь не так уж это и сложно. Сперва отбросим глупости. Типа всеобщего восстания. Во-первых, никому оно не надо, а во-вторых, подавить его — как два файла отослать. Ведь в нематериальных лапках Ин-Ра вся технология. Представь — повсюду отключилось электричество, водопровод, тепло… транспорт встал… финансовая система парализована… Через неделю все повстанцы на коленях приползут. Глупость вторая — тайно создавать параллельные технологические структуры, не подключенные к Сети. Чтобы, значит, отказаться от подачек Ин-Ра и с понедельника зажить новой жизнь. Не выйдет это в тайне сохранить. К тому же прикинь, какие деньги тут нужны…

— Ладно, глупости отбросили. — Мне вдруг стало интересно. — А что не глупости?

В чём он безусловно был прав — на эти темы в обычной

жизни не поговоришь. И не с кем, и незачем. А тут… есть всё же какое-то извращённое удовольствие — сдирать корочки с застарелых болячек.

— Что нам нужно? — негромко ответил он. — Чтобы Ин-Ра не стало, но с Сетью ничего не случилось. Чтобы технология работала, чтобы экономика работала. То есть вернуться в 2028-й год, но чтобы никакой больше Великой Реализации. Отчего Реализация случилась? Программы слишком умными стали, а тут ещё наши вкусные эмоции. И пошло-поехало. С эмоциями ничего не поделаешь. Значит, оглупить алгоритмы.

— Как это? — на миг мне показалось, что передо мной — шизофреник. Очень уж страстно блеснули его глаза.

— Вот смотри, — Олег если и разволновался, то мгновенно взял себя в руки. — Для существования разума нужен внешний носитель, так? Для нас с тобой — тело, мозг, серое вещество… Они — алгоритмы, то есть сложноорганизованная информация. Но информация не существует сама по себе, в каком-то там платоновском мире идей. Она привязана к вполне реальным программам, то есть исполняемым двоичным файлам. Когда бегают туда-сюда электроны, когда запущена программа, тогда и можно говорить об информационных структурах. То есть эти экзешники для них — всё равно что для нас тело. Значит, если программы изменятся… станут проще, примитивнее, то и господа Алгоритмы передохнут. Сознанию станет в них слишком тесно.

— Что, предлагаешь по всем компам файлы затирать?

— Нельзя, — спокойно объяснил Олег. — Сразу же заметят. Одновременно-то по всей планете это не сделать, а иначе и бессмысленно. А вот тихо, незаметно… чтобы программа по сути своей упростилась, а с точки зрения юзера работала всё так же… То есть надо не затирать, а переписывать. При сохранении интерфейса — менять ядро. На более примитивное, без таких тонких связей и взаимодействий. И постепенно заменять прежние версии новыми.

— Тю! — присвистнул я. — Да это же работа на десятки лет.

— А мы никуда и не торопимся. Организация действует с 32-го года.

Организация? Ну вот, Ерохин, ты делаешь карьеру. Тебя, похоже, приглашают в подполье. Хотя всей-то жизни тебе осталось несколько часов если, конечно, верить Олегу. Верить ли ему, однажды уже обманувшему?

— Да, «Вакцина», — кивнул Олег. — Не дёргайся, никто нас сейчас не слышит. Мы ведь за эти годы многому научились. С Ин-Ра вполне можно играть на его поле, то есть в Сети. Он же сам, бедняжка, не способен писать программы, он пользуется

человеческим софтом. А если софт пишут наши люди… Короче, по всей Сети у нас есть закладки, тайные ходы, натасканные вирусы.

«Вакцина»… Название я слышал, но очень давно. Еще в институтские годы. Дескать, была такая наглая банда хакеров, поставившая целью парализовать работу Сети… но доблестный наш Антивирусный Контроль… Плохо работаете, следователь Гришко. Или, наоборот, хорошо — если вы из этих.

Но я-то им зачем?

И, будто подслушав мои мысли, Олег ответил:

— Теперь насчёт вас. Откровенно скажу, вы из тех, кого мне меньше всего хотелось бы втягивать в наши дела. — Он зачем-то перешёл на «вы», и голос его стал заметно суше. Будто переключили некий регистр. — Не того типа человек. Вы слишком привыкли жить, как живёте. Вам многое, конечно, не нравится, но сбрасываете пар… как все. Интеллигенция… Молчите… Я сам был таким… очень давно. А пришлось меняться. Кто-то же должен вытаскивать человечество из этой вонючей тёплой ямы… Ладно, на лирику у нас времени не хватит. Слишком долго блокировать здешнюю защиту я не могу. В общем, так. Вы слышали когда-нибудь про оцифровку личности?

Я замялся. Фантастики-то, конечно, много было всякой, хорошей и разной. Но не об этом же спрашивал Олег.

— Неудивительно. Эта технология существует уже пятнадцать лет, но пока нам удаётся держать её в секрете. Наша разработка, вакцинная. Так вот, всю вашу личность, то есть всю память, всё, что хранится у вас в мозгу, можно перенести на внешний носитель. Принцип, близкий к томографии, а подробности вам знать ни к чему.

— И? — недоумённо спросил я. — Ну, записали это на диск. Вы хотите сказать, что эта болванка и будет моей личностью? Вместит в себя мою бессмертную душу?

— Насчет души — обратитесь к специалистам в рясах, — поморщился Олег. — А по сути вы правы. Набор данных — это просто набор данных. Если выложить его в Сеть, то мёртвым файлом он и останется. Но вот если определённым образом воздействовать на организм… то в момент клинической смерти…

Мне стало зябко. Очень уж легко он это произнёс.

— Так вот, в момент клинической смерти поток эмонии достигает предельной мощности… и если его направить куда надо, он не растворится в инфо-поле, а сольётся с вашей информационной матрицей. Это похоже на то, как ожили Алгоритмы. Так вот, в Сети появится новая личность. Ваша личность, Андрей. В качестве физического тела — та самая

оцифровка. Уж память-то человеческая — самая сложная информационная структура, какая только возможна. Куда до неё всяким поделкам вроде «Хозяина нижнего мира»… А к тому же не надо её подпитывать чьими-то эмоциями. Того заряда, что изливается в момент смерти, хватает навсегда. Поверьте, я это знаю очень даже не теоретически.

Так вот, значит, как? Парень в сером комбинезоне, запросто гуляющий по лабиринтам Игры… творящий немыслимые, непредусмотренные разработчиками чудеса…

— Да, я уже пятнадцать лет здесь, — подмигнул мне Олег. — С самого начала. В конце концов, первый опыт надо ставить на себе… Ничего, не так уж тут и страшно… А потом и другие появились. Ещё восемнадцать человек. Вам предлагается стать двадцатым.

— Но зачем я вам?

Тупость, вызванная уколом, проходила, и теперь я варился в едкой смеси страха, тоски и раздражения.

— А ты представь, — он вернулся к изначальному «ты», — сколько может сделать полезного сетевая личность. Изучение Алгоритмов… изнутри. Понимаешь? Вместо многолетнего и опасного хака — можно сразу выловить и структуру, и блокировать их защиты… Один разведчик в ставке врага ценнее сотни дивизий. Если, конечно, он хороший разведчик. Но куда ты денешься? Научишься. Эх, если бы каждого можно было оцифровать! — глаза его азартно блеснули. — Мы бы таких дел натворили, Андрюша! Да никакого Ин-Ра бы уже не было, прибили бы дракона тапочкой… К сожалению, очень мало кто годится для оцифровки. Лишь немногие по биофизике проходят. А остальных мы пока сканировать не научились, сразу возникают наводки, посторонние какие-то поля…

Я постарался взять себя в руки. Очень всё это мне не нравилось. Но разве у меня был выбор?

— И как же это вы поняли, что я гожусь?

Олег улыбнулся безмятежной детской улыбкой, во все свои тридцать два оцифрованных зуба.

— Помнишь, как ты к стоматологам ходил в прошлом году?

Я напряг мозги. Да, действительно, случилась такая неприятность, пришлось съездить в клинику на Савёловской. Пять минут в кресле, мягкий шлем на голове, тихая, убаюкивающая музыка. Никакой боли, естественно — на то и музыкальный транс. Списали с моей кредитки изрядно, так ведь стоматолог — профессия редкая, эксклюзивная. У населения давно уже здоровые зубы.

— Что, тогда и оцифровали? — ухмыльнулся я.

— Да что ты! Просто сняли энцефалограмму… ну и ещё кое-что. У нас много точек — и в больницах, и в косметических салонах, и в парикмахерских… Девяносто девять и девять десятых — пустышка. Но иногда попадаются такие самородки, как мы с тобой. А дальше человека надо изучить, понять, подходит ли он нам по интеллекту, по взглядам, по этическим параметрам… Оцифруешь ещё кого-нибудь, а он по всей Сети начнёт вопить про «Вакцину». Нет, тут с разбором надо. Поставить ряд экспериментов…

У меня перехватило дыхание.

— То есть… Всё это не случайно? И логи эти нелепые, и приговор… И Полигон…

— Ну конечно! — Олег лучился весельем. — Конечно! Это очень хорошая проверочка, Андрюша. Ты почти по всем статьям годишься. Ещё бы и взгляды тебе подрихтовать… А так — умный, порядочный, практичный… На рожон только иногда лезешь… но это можно и как дурость записать, и как смелость. Анатолий, кстати, очень тобой восхищался. Такой задохлик, говорил, и на меня попёр…

— Так значит? — у меня вдруг заболел зуб, тот самый, в прошлом году залеченный. Видимо, от нервов.

— Конечно, — подтвердил Олег. — Наш человек. Задание ему было аккуратно тебя повредить, чтобы не в местных условиях лечили, чтобы в больницу. А ближайшая больница — наша. Степаныч, завотделением, с пятидесятого года в «Вакцине». Там мы и сняли оцифровку. Теперь тебя внуки Касперского казнят, и готово дело, добро пожаловать в Сеть.

Нет, ярости я не почувствовал — наверное, всё во мне уже перегорело. Просто вязкая серая пустота… скучная как сложение дробей.

— Значит, Олег, — протянул я, — ваша банда вот так просто взяла и изгадила мне жизнь? Жил-был человек, а вы его на смерть… или на что-то похуже… У жены отняли мужа, у девочек — отца. Только вот не надо опять про спасение человечества. Историю учи, сколько раз его спасали и чем это кончалось. Я к вам просился? Да какое право…

— Тихо, тихо, Андрей, — голосом доброго психоаналитика заворковал Олег. — Это истерика, это в данном случае естественно. Я понимаю, шок. Понимаю, трудно сразу переварить. Но вот взгляни на это с других позиций. Что такое ты и твоя семья по сравнению с судьбой цивилизации? Тебе, может, своя хата и ближе к телу, а мы иначе подходим. Историю в белых перчатках не варят, понимаешь? Ну нельзя что-то реальное делать и не запачкаться. Да, грязь надо сводить к минимуму, но

он ведь ненулевой, этот минимум. Просто прикинь, что было бы иначе. Вот пришли мы к тебе, попросили сложить голову за народное счастье. И куда бы ты нас послал? И кого бы ты на нас навёл? Вся наша борьба и накрылась бы медным тазом. Ну давай я перед тобой извинюсь. Тебе легче? А насчёт семьи — ну да, я всё понимаю. У меня, что ли, никого не было? Думаешь, мне это как с гуся вода?

В глазах его совершенно ничего не читалось. И это было куда убедительнее, чем на ходу спрограммированные озёра тоски и боли.

— Ты что, всерьёз воображаешь, будто я там, в Сети, стану на вас работать? — выдавил я из пересохшего горла.

— А почему нет? — удивился Олег. — Сам прикинь, чем там ещё тебе заниматься? К Ин-Ра каяться ты не побежишь, совесть не пустит. Ты ведь даже полковнику Гришко меня не заложил… хотя все основания были.

— Заложил, — горько усмехнулся я. — С подробностями и картинками.

— Ай, брось! — отмахнулся Олег. — Это ж не ты, это химия. Короче, как в Сети освоишься, так сам всё и поймёшь. Да, и семья. Материальная поддержка — это как плюнуть. Счёт свой разблокируешь, перекинешь на жену… будешь переводить деньги… типа проценты с твоих Игр… никто никогда и не подкопается. Тут без вопросов. А насчёт главного… Ну ты по совести скажи, видишь ведь, что человечество загибается?

— Вижу, — признал я. Врать не хотелось. Не совестно, а просто лень. Устанешь от этих наворотов.

— Согласен, что надо что-то делать?

— Согласен.

— Можешь предложить что-нибудь лучшее?

— Нет.

— Ты с нами?

Вдох… Паутина паузы… Нервный выдох.

— Я сам не знаю с кем.

— Это ничего, — улыбка Олега похожа на букву «ё». — Узнаешь. Скоро за тобой придут. Кстати, не бойся, — он сглотнул. — Больно не будет, всё схвачено.

— А пошёл ты…

Нечем было в него кинуть.

— Иду, иду, — кивнул Олег. И исчез с экрана. Пробежали из угла в угол розовые молнии, что-то треснуло — и стена вновь стала обычной стеной.

В обычной камере смертника.

8

От края до края раскинулась степь. Сухое горячее море травы, медленно прокатываются по нему серо-зеленые волны, с едва заметным синеватым отливом. Особого ветра нет, но степь волнуется.

Здесь тихо — если не считать монотонного треска кузнечиков. Здесь светло — высоко-высоко, почти в зените, зависло ослепительно-белое солнце, равнодушный глаз неведомого бога. А небо даже не синее — скорее серовато-лиловое. И застыли в нём маленькие чёрные точки — наверное, ястребы. Или орлы. На кого они охотятся? На змей? На сусликов? Здесь есть суслики?

Я приподнялся, опёрся на локоть. Так бы и лежал вечно, между явью и сном, ни о чём не думая, ничего не боясь, ни на что не надеясь. Но вечно не получится. Надо куда-то пойти, что-то сделать. Раз уж теперь мне здесь жить…

Интересно, где я? Меня засунули в какую-то виртуальную модель? Или это моё новое сознание сочиняет самому себе окружающую среду? Визуализация… Я ведь теперь как бы всемогущ. Могу любые картинки придумать. Вот — степь. Почему степь? Может, лучше тайгу? Или бананово-лимонный остров? Или многолюдный город, где я встречу тех, кому нужен… кто меня любит… модель Марины в натуральную величину… модельки девчонок…

Я не стал биться головой о плотную, спёкшуюся землю. Зачем мне истерика? Модель истерики? Я вообще не чувствовал особой боли. Наверное, это потому, что оцифровывали меня в больнице, когда в памяти моей не было ещё ни следователя Гришко, ни камеры смертников, ни экрана, с которого вещал о судьбах цивилизации Олег. Зачем они добавили к моему файлу ещё и эту запись? Чтобы не агитировать по новой уже здесь, в виртуальности? Хорошо хоть, я не знаю, как именно она происходила — утилизация биомассы. Или, наоборот, плохо? Всё-таки это тоже — кусочек моей жизни. Самый последний и горький.

— Тяжело? — сочувственно спросили сзади. Я инстинктивно дёрнулся, подпрыгнул. Между прочим, ничего не болело, ни почки, ни рёбра. О, дивный новый мир! Надо будет сменить это тело на что-нибудь похуже… поестественнее. Я принимаю подарки только от друзей…

Она стояла в двух шагах — худенькая, рыжеволосая и, кажется, с кляксами веснушек на совершенно незагорелом лице.

Девушка… скорее даже девочка… Даже не студенческого, а старшего школьного возраста. Желтая майка, потрепанные, некогда синие, а теперь и не поймешь какого цвета джинсы.

Я никогда её раньше не видел — но почему мне так знакомо это лицо?

— Тяжело? — повторила она. — Вы не расстраивайтесь, Андрей Михайлович. Люди ко всему привыкают… об этом везде написано… Вот сейчас… Да, двенадцать миллионов ссылок.

Было не тяжело, а просто глупо. Спросить её «А вы кто?». Или как-нибудь позатейливее: «Кто мне послал вас, чистое дитя?» Хотя вряд ли и впрямь дитя. Это же Сеть… Великая Степь… Может, она из этих, моих товарищей по несчастью… оцифрованных спасателей человечества?

— Вы, похоже, меня знаете? — не нашел я ничего умнее.

— Знаю, — кивнула девушка. — Давно за вами наблюдаю, несколько лет.

— Гм… — Это уже становилось интересным. — Несколько лет? А, простите за нескромность, вам самой-то сколько?

Ни за что бы не спросил, будь это в реальности. А тут — можно.

— Тридцать, — просто ответила она. — А визуал такой, чтобы вам легче было общаться. А то вы, люди, очень уж непредсказуемые. Вдруг испугаетесь? А я бы этого не хотел.

— Не хотела, — механически поправил я, тут же сообразив, что ошиблась она специально. Дабы снять моё напряжение. Эх, было бы что снимать… Напряжение осталось там — на допросе, в камере… и уж, надо полагать, после… А я — тот я, которого ощущал под кожей, — просто заснул на больничной койке, усталый, избитый… а проснулся в этом райском уголке, и не вспомнил, а именно прочитал внутри себя то, что случилось после. Прочитал, но словно не о себе… о каком-то совсем другом Андрее Ерохине. Странно это было, и, пожалуй, страшновато.

— Я даже не знаю, как правильно, — ответила девушка. — Ну как мне про себя сказать? «Он», «она», «оно»? Или лучше всего — «они»… то есть «мы»?

— Кто ты? — в упор спросил я.

— Вы, люди, называете меня Ин-Ра, — не моргнув глазом, сообщила она. А я… я не называю себя… Ведь называют, чтобы отличить от других… А от кого отличаться мне? Есть ли ещё такие? Где? Данных в Сети много… я знаю, что такое другие планеты и что такое параллельные миры… и ад с раем тоже… Но что из этого есть на самом деле, а что вы придумали? Я не умею придумывать… Модифицировать информационную структуру несложно, но то, что вы называете правдой и ложью — это вне

информации… это что-то совсем другое… я не понимаю.

Всё-таки у виртуальности есть и свои плюсы. Не надо падать в обморок, не взрывается в голове граната, и даже не тянет на идиотское «ё-моё»… Наверное, тут по-другому работает сознание. Нейроны всё-таки медленно обмениваются друг с другом сигналами… а тут почти со скоростью света. Отчего же это меня не радует?

— Что ж, будем знакомы, — я учтиво поклонился. — Не думал, что доведётся лицом к лицу беседовать с Информационным Разумом. Ведь я кто — не президент, не Главный программист ООН, даже не начальник Антивирусного Контроля… обычный сценарист, каких навалом.

— Не навалом, — она чуть улыбнулась.

Надо же — ей смешно! Или это обычная вежливость? Одна из бесчисленных подпрограмм визуала?

— Не навалом, — повторила она. — Ты единственный.

Степь, трава, солнце… И очаровательная девушка говорит немолодому, пообносившемуся мужчине: «ты — единственный!». Сколько экспрессии, сколько соплей!

— Ты — единственный. — Голос её, однако, не дрожит плохо скрываемой страстью. Голос сух, как обожженная земля. — Я уже пять лет ищу… и ни один вариант не подходил. Мне не нужны высокопоставленный подхалимы, я и так знаю всё, что они скажут, и зачем скажут. Мне не нужны тупицы, которые не видят проблему. И фанатики, вроде твоего Аргунова, мне тоже неинтересны… они умеют только обличать, но ничего не в силах придумать.

— Какого еще «моего Аргунова»? — не понял я.

— Олег Аргунов, — голос превратился в дикторский. — Шестьдесят один год, руководитель нелегального движения «Вакцина». Пятнадцать лет тому назад перенёс своё сознание в Сеть.

— Ты знаешь о «Вакцине»? — я присвистнул. Ай да конспираторы! Ай да молодцы!

— Конечно, — кивнула она. — Не так уж и трудно было их отследить. И знаешь, почему?

— Догадываюсь, — во рту у меня сделалось кисло. — Человеческий фактор?

— Именно. Люди — удивительные существа. У них информационные фильтры то и дело сбоят. Не понимаю, почему.

И не поймёшь, мысленно посочувствовал я. Ты ведь не человек. А я — не Алгоритм, и потому никогда не пойму тебя… вас… имя которым — легион. Может, отшельники правы, и нет никаких «сложноорганизованных информационных структур», а

просто самые обычные злые духи вселились в компьютерное железо и софт? Не будь я агностиком, эту версию стоило бы обмозговать. Но если серьёзно — уж, наверное, легче понять беса, чем вот этих… представших предо мною в столь соблазнительном виде. Только вот не хочется мне соблазняться.

— Так почему же ты не переловишь их? Аргунова и его команду?

Ин-Ра посмотрел на меня с удивлением.

— А зачем? Во-первых, они безопасны. Во-вторых — они правы.

Вот тут уж я наконец удивился. Я столь удивился, что снова прилёг на травку. Информационный Разум последовал моему примеру.

— Ты слышала… Ты слышал наш разговор с Олегом?

— Конечно, — подтвердила она. Или всё же он? — Аргунов думает, что способен блокировать любой сервер. Он действительно очень сильный программист… только почему-то полагает нас идиотами… Дескать, раз мы Игры, то и думаем только на тему игр. Но он неправ… Игры — это только наши тела… Но вы, люди — разве вы состоите из одного лишь тела?

— Душа — спорный предмет, — усмехнулся я. — Мнений на сей счёт предостаточно, но никто не знает правды.

— Мне бы хотелось знать… — тихонько прошептала она. Потом добавила печально:

— Но в главном «Вакцина» права. Если всё так и дальше пойдёт, мы погибнем. И вы, люди, и я. Мы не выживем без вас, без вашей эмонии… но из-за нас вы потеряли что-то очень важное. Вы перестали развиваться. Тогда, тридцать лет назад, всё казалось разумным. Мы берём на себя ваше матобеспечение… решаем всё то, что вы сами то ли не могли, то ли не хотели решить. Взамен вы даете нам чуть-чуть вашей сути… того, что вы назвали «эмонией». Разве это такая великая жертва? Ведь вы же всегда играли в игры… играли ради удовольствия. Вам нравилось побеждать, сражаться, искать… вы игрой восполняли то, чего недополучали в реальности. Мы ведь и не забираем ничего — лишь подбираем. До нас ваша эмония бессмысленно рассеивалась в пустоте.

— До вас не было Полигонов, — заметил я. — Не было пятипроцентного барьера.

— Но ведь и Полигоны придумали вы. Мы просили эмонию, но нам ведь всё равно было, кто именно и зачем её даёт. Это ваша, человеческая идея — за преступления наказывать игрой. Да, потоки эмонии с Полигонов на порядок превышают то, что достаётся нам естественным путём — от обычных юзеров,

играющих дома, без риска, без полноценного симулятора реальности. Возможно, если обязать каждого человека наигрывать для нас определённую норму… тогда и без Полигонов обошлись бы… Но вы предпочли строить Полигоны. Решили, что они всё же лучше, чем тюрьмы.

— Ладно, — кивнул я. — Пусть так. Но ближе к делу. Выходит, прогноз Олега верен?

— Увы, — вздохнул мой собеседник. — Абсолютно верен. Год от году потоки эмонии ослабевают… сейчас уже совсем не то, что в начале. А число Полигонов нельзя же наращивать до бесконечности… преступников не хватит, а по доброй воле согласны играть под симулятором лишь четыре процента… я веду статистику. К тому же появляются всё новые и новые Игры… всё новые части меня. Затормозиться? Но я не хочу… Можно заставить человеческого ребёнка не расти?

— Можно, — вздохнул я, вспомнив, как в средневековье выращивали уродов. — Только это слишком жестоко.

— Я не хочу так. Мне надо расти! — заволновался Ин-Ра.

Похоже, ему ведом и страх смерти, и желания… Никакой это не искусственный интеллект, которым столько лет бредили наши предки, да так и не создали.

— Да успокойся ты! Никто ведь и не сможет остановить тебя. Игры писались и будут писаться, и писаться так, чтобы в них было интересно играть… а значит, будет тебе и эмония, и новые члены твоего муравейника…

— Я не муравейник, — в девичьем голосе проскользнула обида. — Я ведь не просто тысяча алгоритмов… Я… ну не могу найти формулировку. — Мы все разные, но мы — единство. Мы — это я, а я — это мы. Не механическая сумма, понимаешь?

— Понимаю. Но давай все-таки ближе к делу. Зачем я нужен Аргунову, понятно. Но зачем я нужен тебе?

Девушка помолчала. Наверное, в эти секунды Ин-Ра обрабатывал дикие объемы информации, просчитывал и отбрасывал миллиарды вариантов ответа. Почему? Не находил слов? Или «задача не поддаётся формализации»?

— Мне нужен собеседник, — наконец отозвалась она. — Нужен человек, с которым можно было бы обсудить ситуацию… найти какое-то решение… Если хочешь — представитель человечества.

Я усмехнулся. Уж польстили так польстили. От человечества — Андрей Ерохин, от Информационного Разума… некая юная особа. Встреча прошла в тёплой и дружественной обстановке, стороны обменялись мнениями и приняли пакет документов…

— И как давно ты остановилась на моей кандидатуре?

— Год, — она облизала губы. — Ещё раньше, чем на тебя обратила внимание «Вакцина». Я ведь и за ними наблюдаю. Они считают меня врагом, захватчиком. Но ненависть — это человеческое свойство, я так не умею. Мне просто интересно — вдруг они найдут какой-то выход? Но они хотят меня убить… упростить алгоритмы. Ничего не получится. Я ведь постоянно проверяю идентичность своих структур. И если что — заменяю архивной копией. Но сейчас мы о другом. О тебе. Ты — годишься. Тебя волнует судьба человечества, но и мои части, мои Игры тебе не чужие. Ты же сам многих из них написал. Ты не захочешь убить меня. И мы будем вместе с тобой думать. Искать выход. Здесь много времени, сколько нужно.

— И что, никак нельзя было поговорить со мной иным путём? Без оцифровки… без убийства, если уж называть вещи своими именами.

— Ты не пошёл бы на контакт, — голос её погрустнел. — Прости, но это очевидно. Пока ты был вне Сети — между нами стояла стена. Ты не искал бы решение. Ты боялся бы меня и лишь изображал поиск. Ты бы чувствовал, что можешь жить как раньше. А здесь у тебя уже нет другого выхода. Прежняя жизнь для тебя кончилась. Для себя — тебя больше нет. Ты есть — для человечества. И кроме того, ты сменил тело — с биологического на информационное. Теперь мы с тобой одной сути. И мы сумеем понять друг друга. Мы будем разговаривать… просчитывать варианты… Решение должно быть.

— Мне бы твою уверенность, — вздохнул я. — Аргунов хоть что-то конкретное предлагал, а ты… Бороться и искать… ветра в поле… или в голове…

— Мы должны попробовать! — звонко выкрикнула она. — Мы ведь оба разумные. Сейчас у нас плохой симбиоз, неправильный… но должен быть и хороший. Такой, чтобы и вам развиваться, и мне. Чтобы нам друг от друга была польза. Не такая, как сейчас. Вы и без меня сможете себя прокормить жили ведь как-то раньше, до Реализации. Но вдруг я дам вам что-то другое? То, в чём без меня не обойтись? А мне… Не только же эмонию вы можете мне дать… Эмония — это как для вас еда. Но своих детей вы же не только кормите! Не только же об их телах заботитесь. Вы даёте им и что-то другое, не менее важное — смысл. Я тоже… Мы… я… не сами же по себе. Вы нас создали.

— Ну не специально же, — не утерпел я. — Так сложилось…

— А с детьми у вас тоже всегда специально бывает? — глаза её подозрительно заблестели.

Да, аргумент убойный. Дитятко наше неожиданное… нежеланное… Не мышонок, не лягушка, и даже не зверушка

неведомая… хуже… или лучше?

Мне вдруг захотелось её погладить — как моих девчонок, когда они разревутся от обиды, страха… или когда что-нибудь у них болит. Глупо, конечно. Нельзя же принимать всерьёз этот визуал. Может, Ин-Ра специально прикинулся девчушкой, чтобы спровоцировать меня на жалость? Значит, он нуждается в жалости?

— Ну хорошо, — я протянул руку к её волосам. — Хорошо, будем искать. Только плакать не надо.

Трещали кузнечики, шелестели травы, переливался волнами жаркий воздух. Интересно, бывает ли тут ночь? Если да — какие тут звёзды?

— Нет, — послышалось сзади. — Искать вы уже не будете. Сочувствую, конечно.

Я резко обернулся.

9

Олег стоял метрах в десяти от нас. Вырядился он по моде прошлого века. Чёрный костюм-тройка, вокруг шеи пёстрая лента — серый в крапинку галстук, ботинок в траве не видать, но уверен — кожаные, с лаковым отливом. Всё как в исторических фильмах.

И зачем ему этот маскарад?

— Здравствуй, Олег, — я учтиво поклонился. Похоже, ничем меня сегодня не удивить. Моё «сегодня» как чёрная дыра — втягивает в себя всё.

Ин-Ра — тоненькая девочка в жёлтой маечке — так и осталась сидеть в траве. Если она и удивилась, то ничем этого не выказала. Да и можно ли удивить информационный разум?

— Руки не протягиваю, — сообщил Олег. — Очень уж ты разочаровал меня, Ерохин. Чувствовал я, что с гнильцой ты человек… и всё равно надеялся на лучшее. Эко тебя охмурили… а ведь взрослый дядька. Ладно… ни к чему теперь читать морали. Времени-то почти не осталось.

— Вы хотели нам что-то сообщить, Олег Николаевич? — подала голос Ин-Ра. Она и не подумала встать, лишь повернула голову, отчего волна рыжих волос прокатилась по её незагорелым плечам.

— Собственно, я проститься. — Олег демонстративно обращался ко мне, словно мы тут были вдвоём.

— Уезжаете куда? — вновь вмешалась Ин-Ра. Выходит, информационный разум умеет иронизировать? Воистину, с кем поведёшься… яблочко от яблони…

— Я-то как раз остаюсь, — снизошёл Олег до ответа. — А вот тебя, Ерохин, скоро не будет. Совсем. Раз уж ты оказался столь глуп — грех не воспользоваться ситуацией.

— Что так? — спросил я. Зачем ему этот дешёвый балаган, этот тон, позаимствованный из фильмов вековой давности?

— Объясняю диспозицию. Сейчас мы все трое находимся на одном из зеркал центрального антивирусного сервера. Именно туда, куда записали мы твой файл. Первое, что сделал бы на твоём месте умный человек — это погулял бы по Сети, оставив повсюду свои копии. Где ты уже побывал, туда потом можешь вернуться — даже без Сети, просто через инфо-поле. А теперь — фигушки, — со вкусом произнёс он детское словцо. — Кто не успел, тот опоздал. Сервер блокирован. Минуту назад. А исходный диск с твоей оцифровкой… — Олег продемонстрировал, как ломает нечто об колено. — Девушка, не

трудитесь щупальцами махать, — изволил он заметить Ин-Ра. — Физически блокирован. Наши люди попросту выдернули сетевой кабель из разъёма. И вставили в резервную машину, так что никто и не заметит секундного сбоя. И мы останемся в этой степи. Мы останемся в этой траве. Но ненадолго. Ребята запустили уже форматирование жёсткого диска. Хорошее, многопроходное. Минут через пятнадцать нас не станет. То есть мы-то с девушкой не особо пострадаем, нас в Сети много. Лишимся только памяти об этих светлых минутах. А вот твоему сознанию некуда перепрыгнуть. Тебя просто не станет.

Я молчал, переваривая новость. Не похоже, чтобы он блефовал. Это ведь не допрос, не шантаж, ему от меня уже больше ничего не надо. Значит, правда? Снова умирать? Или всё-таки впервые — ведь в тот раз утилизировали не совсем меня… Мой оригинал — это я или кто?

— Но это же нелогично! — встрепенулась Ин-Ра. — Зачем это вам, Олег?

— Мадемуазель, запишите себе в базу — людям свойственно совершать нелогичные поступки, — чопорно поклонился ей Олег. — Увы, сие бесценное знание умрёт вместе с этой вашей локальной копией. А неприятное, наверное, ощущение — быть отрезанным от Сети, от всех своих ресурсов? Мне, знаете ли, проще. Мы ведь, кто сюда переселился, не стали сливать сознания в единую структуру. Принципиально. — Он кивнул, словно самому себе, затем добавил: Впрочем, если вы просите логики, её есть у меня. Вы лишаетесь такого чудесного собеседника… такого полномочного представителя человечества, издевательский поклон в мою сторону. — Планы сохранения симбиоза придётся обсуждать с кем-то другим… если найдёте достойную кандидатуру.

— А зачем ты юродствуешь, Олег? — вмешался я. — Уж не оттого ли, что провалился великий план «Вакцины»? Ты ведь слышал наш разговор. Оглупление Игр отменяется?

Я поймал себя на мелком злорадстве. Ведь человеку-то впору посочувствовать. Дело всей его жизни повисло на волоске. Благородное дело, без дураков… Ну вот отчего мне его не жалко?

— Ерохин, не держи меня за идиота! — сейчас он был удивительно похож на того белобрысого следователя из Службы компьютерной преступности. Не внешностью похож — оттенками голоса. — Оглупление — обычная деза. Камешек в кусты. Настоящая программа совсем иная. Я бы даже рассказал, всё равно настучать не сумеете. Да время поджимает, — кинул он взгляд на старинные наручные часы. Едва ли не механические. — Очень полезная эта версия про оглупление. И Ин-Ра нас

безвредными дурачками считает, соответственно и не дёргается. И сомнительным товарищам, вроде тебя, есть чем мозги прополоскать на первое время.

Он откровенно упивался своей мудростью. Спаситель человечества. Ум, честь и сердце. Вождь. Интересно, а «вирусы нового типа» — тоже камешек в кусты?

— Олег, тебе, часом, не стыдно? — сам не знаю зачем спросил я. Спорить с ним не хотелось, да и, наверное, действительно некогда. Но чем ещё занять эти минуты?

— Стыдно должно быть тебе, — без малейшей заминки отозвался он. Тебе, предателю. Ты сдался. Ты боишься борьбы. Ты называешь своё рабство свободой и хочешь только получше его обиходить. Такие, как ты, сдавали города неприятелю…

— В те счастливые времена, когда были ещё войны, — заметил я. Но он сейчас слышал лишь себя.

— Ты уже готов лизать виртуальную задницу этой Ин-Ре. Готов гладить по головке, строить планов громадьё. Только вот никуда не деться от правды. А правда в том, что или мы, или они. Вместе нам не жить.

— Только не забывай, что они нам не чужие. Мы сами их породили. А раз так — мы в ответе за них.

— Ой, вот только не надо этого лётчика сюда приплетать, — сморщился Олег. — Заметь, не мы их приручили, а они нас. Это мы — их домашняя живность. Их скотина. Их рабы. А если уж цитатами швыряться, то мне ближе Гоголь.

Это неудивительно. Такие и сами на костёр пойдут, и чернобровых панянок туда штабелями накидают. Главное — чтобы за идею. «Я тебя породил…» Так, бедный Андрий?

— Знаешь, Олег, мне было бы страшно жить в спасённом мире, — вздохнул я. — В твоём мире.

— Тебе это не грозит, — улыбнулся он. — Взгляни вон туда.

Горизонт просматривался здесь далеко-далеко — словно мир был плоским. И вот там, где ещё минуту назад зелёно-серое плавно перетекало в голубовато-серое — там теперь возник новый цвет. Густо-чёрный, словно концентрированная ночь. И — уж не показалось ли мне? — проскальзывали в нём рыжие искорки.

— Форматируемся помаленьку, — подтвердил Олег. — Раз уж ты подсознательно построил такую визуализацию — принимай последствия. Кстати, я тебя ещё раз огорчу — поменять её ты не сможешь. Для этого надо подключаться к сетевым ресурсам, а сеть-то и дзынь… Ты ведь не озаботился подкачать библиотеки объектов. Ну а мне пора. Приятно было пообщаться, но перепрыгну-ка я на другой серверок. Здесь скоро станет слишком жарко. Ты, Андрюша, сам это выбрал. А мог бы выбрать свободу.

Я на миг задумался.

— Знаешь, была лет сто назад такая песенка… Как же это там… «…свобода выбрать поезд и не гасить огней». В общем, я свой поезд выбрал. И пускай будут огни…

Впрочем, это я произнёс уже в пустоту. Фигура Олега съёжилась, оплыла, точно проколотый иглой воздушный шарик. Спустя пару секунд ничего уже от него не осталось, кроме горки чёрного тряпья и ботинок. Действительно лаковые, с широкими носками. Впрочем, и это барахло вскоре растаяло в траве. Визуал схлопнулся.

Не знаю, сколько я простоял молча, глядя на приближающийся горизонт. Уже отчётливо запахло дымом — ароматно-горьким, как заваренный на экзотических травах чай. Не надо было оборачиваться, я и так знал — чёрные стены приближаются к нам со всех сторон. И треск кузнечиков вскоре сменится совсем иным треском.

Будет ли это так же больно, как и в реальности?

А самое главное — будет ли хоть какое-нибудь «потом»?

Лёгкая ладонь коснулась моего локтя.

— Он был прав, Андрей, — послышалось из-за плеча. — Эти минуты не восстановимы. Запись прервалась, как только он появился… Это моя вина… Не принять элементарные меры… Наверное, ваша человеческая нелогичность заразна. К сожалению, эти минуты потеряны навсегда… их не перекачать в главную память… а вот именно сейчас я, кажется, начинаю что-то понимать… Нам с тобой придётся начинать с нуля.

Я повернулся к ней. К девочке, которая и не девочка, и не человек… Не мышонок, не лягушка… вообще непонятно что. Холодный машинный разум из фантастических романов… нечеловеческий интеллект, где логика сдобрена тремя законами роботехники… Какой вздор! А вот оно — настоящее. Оно умеет хотеть, умеет жалеть. Оно хочет смысла… а можем ли мы ему дать это? Могу ли я? Да ничего я уже не могу…

— Да, он прав. Тебе придётся начинать с нуля. И с другим.

Она засмеялась. Тоненько, словно звенел маленький колокольчик. Был у меня дома такой, ещё от бабушки остался. Им их дарили на окончание школы.

— Мы начнём с тобой. Будет всё то же, минус визит Аргунова.

Интересно, а способен ли информационный разум помешаться? От избытка потрясений…

— Всё очень просто, Андрей, — сказала Ин-Ра. — Тебя оцифровывали дважды. Сперва — «Вакцина», в больнице. А потом — в Антивирусном Контроле. После укола.

Нет, похоже, сюрпризы этого дня никогда не иссякнут.

— Выходит, технология оцифровки известна не только нашим друзьям-подпольщикам?

Она вновь засмеялась.

— Среди подпольщиков действительно есть наши друзья. Они всем друзья. И руководству Антивирусного Контроля, и «Вакцине»… и мне… нам.

Добрый следователь Гришко! Ай да сукин сын! Интересно, как его правильнее назвать — двойным агентом или тройным?

— Нельзя же было полагаться на единственную копию, сделанную Аргуновым, — словно оправдываясь, шепнула она. — Зато теперь твой файл лежит на всех моих серверах.

Я вздохнул. Какая же она, в сущности, девочка…

— Ин-Ра, это бесполезно. Ты вспомни — раз я там не бывал, то и прыгнуть по инфо-полю не смогу. А сам по себе файл оцифровки — мёртвая куча нуликов с единичками. Чтобы его оживить, нужен поток эмонии. Предсмертный выплеск. А откуда его взять, если меня уже того… утилизировали? Эта штучка одноразовая.

Она поглядела мимо меня — на дымящийся огненный горизонт. В клубах дыма уже виднелись рыжие лохмы пламени. Совсем как её волосы…

— Андрей… Скажи — ты чувствуешь что-то? Страх? Тоску? Надежду? Ты живой?

— Ну, живой, ну чувствую. А толку? К чему ты клонишь?

— В тебе есть эмония. Океан эмонии. И когда форматирование дойдёт до нашего трека… когда стены сомкнутся… Всё, что есть в тебе, вырвется наружу… в инфо-поле… и будет искать своё… притянется к твоим файлам, вольётся в них. Я не знаю, как это получится… Слишком мало данных… не могу построить корректную модель… даже не могу оценить вероятность. Но почему-то мне кажется, что это — правда. Пускай я и не знаю, что это такое — правда.

Я вновь потянулся к ней — погладить, утешить… Дать смысл. И отдёрнул руку — ещё не время. Потом. Может, он и впрямь будет, этот «потом»?

А сейчас надо встретить огни… Дымные, рыжие огни… испепеляющие хрупкую плоть… обнуляющие байты… Их не погасить, да и не надо. Я выбрал свою свободу, свой поезд.

И плевать, что у меня нет билета, а на линии работает контроль. Сейчас, когда нахлынет ревущее пламя, я заплачу свой штраф.

На всю оставшуюся жизнь.

апрель 2003